This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

ФИЛОСОФІЯ,

ОТНОСЯЩАЯСЯ КЪ ЖИЗНИ ЦѢЛЫХЪ НАРОДОВЪ И КАЖДАГО ЧЕЛОВѢКА.

СОЧИНЕНІЕ НА НѢМЕЦКОМЪ ЯЗЫКѢ

ДОКТОРА ФИЛОСОФІИ

Іосифа Голуховскаго.

ПЕРЕВЕДЕНО АКАДЕМИКОМЪ И ПРОФЕССОРОМЪ,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫМЪ СТАТСКИМЪ СОВѢТНИКОМЪ

Даніиломъ Велланскимъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ШТАБА ОТДѢЛЬНАГО КОРПУСА ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1834.

B4691
G63P518

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра.
С. Петербургъ, 7 Октября 1834 года.

Цензоръ *А. Никитенко.*

ОГЛАВЛЕНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

Предувѣдомленіе отъ Издателя I
Предисловіе Сочинителя 1
Введеніе 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Философія, въ отношеніи къ жизни цѣлаго народа.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О пользѣ, признаваемой въ человѣческой жизни, въ Наукахъ и въ Государствѣ . . . 16

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

A. Объ основной идеѣ всѣхъ Наукъ въ общемъ содержаніи оныхъ 29
B. Первоначальная идея, какъ основаніе Философіи 32
C. О содержаніи Философіи къ прочимъ Наукамъ 43
D. Содержаніе Философіи къ Религіи . . . 55

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вліяніе Философіи на Государство . . . 60

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Философія, въ отношеніи къ частной жизни людей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вліяніе Философіи на образъ жизни человѣческой 105

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Какимъ путемъ надлежитъ достигать къ Философіи, и отъ чего происходитъ трудность въ ея понятіи, на которую столь многіе жалуются 126

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Нѣкоторыя положенія частной жизни и содержаніе Философіи къ онымъ.

A. Дѣйствіе въ общественномъ мірѣ 157
B. Внутренняя жизнь духа человѣческаго . . . 169
C. Тщета и бѣдность обыкновенной жизни . . 184
D. Непріязненность обыкновенной жизни . . 193
E. Неосновательность и зыбкость обыкновенной жизни 201
F. Страданіе въ жизни 209

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Совершеннѣйшее человѣческое знаніе открыто въ Философіи, служащей единственнымъ факеломъ истиннаго просвѣщенія. Но Философія, занимающая высочайшую степень въ области Наукъ, не каждому человѣку доступна; и не достигшіе къ оной, имѣютъ различное и превратное о ней мнѣніе. Никакая Наука не подвержена толикимъ упрекамъ, нападкамъ и гоненіямъ отъ простыхъ и

ученыхъ людей, какъ Философія, возвышенная надъ обыкновенными понятіями! Человѣкъ, по свойству его духа, стремится къ высочайшему познанію; но встрѣтивъ непреодолимое затрудненіе въ своемъ усиліи, отвращается отъ вожделѣнной ему цѣли и ненавидитъ оную!

Однакоже истина, какъ собственный предмѣтъ философическаго знанія, столь сильна, что противники Философіи, населяющіе весь міръ, не могутъ противустоять ея убѣжденіямъ; и самые слабые мыслители, либо пристаютъ къ старымъ Сектамъ Философовъ, либо составляютъ новыя Системы. Отрицать достоинство Философіи есть тоже самое, что отвергать умъ человѣческій. По-

сему разсудительные люди стыдятся считать Философію пустою и ничтожною Наукою, а только не признаютъ твердости и постоянства ея основаній, думаютъ, что каждый мудрствующій можетъ строить свою Философію, какъ ему угодно, и говорятъ: сколько головъ, столько умовъ. Но умъ (ratio), какъ божественное образованіе въ человѣкѣ, есть одинъ; по которому и Философія, основанная на умственныхъ положеніяхъ, должна быть одна.

Множество философскихъ Сектъ доказываетъ ихъ неосновательность и происхожденіе отъ разума (intelligentia), свойственнаго каждому смышленному человѣку. Таковыя Философемы столько-же суетны, сколько и вред-

ны по ихъ кичливости; препятствующей развитію ума, и дающей преимущество темнымъ, чувственнымъ свѣдѣніямъ надъ ясными, идеальными понятіями! Въ области Наукъ, при владычествѣ обскурантизма, настоящее просвѣщеніе не можетъ имѣть рѣшительнаго вліянія, безъ котораго всѣ способы къ образованію должны оставаться тщетными.

Истинное знаніе состоитъ въ идеяхъ, излагаемыхъ Философіею, а не въ чувственныхъ смѣшахъ, доставляемыхъ опытностію, которая, хотя показала многія сокрытыя явленія Природы, но не объяснила ни одного въ существенномъ значеніи. Опыты и наблюденія, относясь къ преходящимъ и ограниченнымъ формамъ

вещей, не касаются безпредѣльной и вѣчной ихъ сущности. Посему ревностнѣйшіе испытатели и вѣрнѣйшіе наблюдатели, всѣхъ вѣковъ и у всѣхъ народовъ, не могли содѣлать ничего прочнаго и основательнаго ни въ физическихъ Наукахъ, ни въ историческихъ познаніяхъ. Собранные ими, огромные запасы мертвыхъ матеріяловъ лежатъ въ разбросанныхъ кучахъ; и только то вошло въ органическій составъ Наукъ, что оживотворено идеями ума, производящими ѳеорію, какъ душу опытныхъ свѣдѣній, составляющихъ одно тѣло, зиждимое понятіями разума.

Философія издревле считалась душею Наукъ; но съ того времени, когда образованные народы разорены ди-

ними варварами, пала и она подъ ударами лютаго невѣжества! Съ ея паденіемъ уничтожились всѣ идеальныя познанія; и въ глубокой тьмѣ, обявшей духъ человѣческій, оставались одни чувственныя понятія, блуждавшія подобно ночнымъ привидѣніямъ! Въ XV-мъ вѣкѣ занялась только заря просвѣщенія; но въ концѣ XVIII-го и въ началѣ XIX-го столѣтія, взошло солнце на горизонтѣ Ученаго Міра — когда *Фридрихъ Шеллингъ* возстановилъ падшую Философію *Платона*, и далъ ей блистательнѣйшую, величественную форму, каковой она у древнихъ Грековъ вовсе не имѣла. Свѣтъ новаго Платонизма столь яркій, что не всѣ могутъ переносить оный; и многіе отвращаютъ отъ него взоры свои, да-

бы не ослѣпиться его блескомъ! Посему въ продолженіе сорока лѣтъ, весьма малое число Ученыхъ воспользовалось Шеллинговою Системою — и то въ одной Германіи — а въ другихъ странахъ Европы не имѣютъ объ оной настоящаго свѣдѣнія.

Сія Система, показавъ абсолютную сущность Природы и духа, преобразовала, или лучше сказать, вновь содѣлала физическія и психическія Науки, доставила имъ ѳеоретическое содержаніе, каковаго онѣ никогда не имѣли, и отъ котораго зависитъ все достоинство Ученаго Свѣта. Настоящая ѳеорія Физики произошла отъ Шеллинговой Философіи. Никакая изъ прежнихъ Системъ не могла изъяснить ни едина-

то явленія въ Природѣ; чемъ и доказывается метафизическое ничтожество оныхъ. Но какъ Природа и духъ человѣческій произведены тою-же абсолютною сущностію; то Физика и Эѳика имѣютъ одно основное начало, и одна безъ другой понятна быть не можетъ. Идеалисты и матеріалисты должны согласиться между собою, и строить совмѣстно зданіе своихъ Наукъ; если хотятъ, чтобы оное было непоколебимо!

Истинное физическое познаніе есть то, которое одушевлено идеями Философіи, и не остается въ одномъ мертвомъ механизмѣ, занимающемъ механико-атомическихъ Физиковъ. Такимъ-же образомъ и эѳическая Наука, излагающая нравственный міръ,

можетъ только взимать свѣтъ свой отъ философскихъ идей, безъ которыхъ моральныя наставленія темны и неосновательны.

Предлагаемое здѣсь Сочиненіе относится къ Эѳикѣ, и составлено изъ понятій трансцендентальной Философіи *Шеллинга*, которому Авторъ посвятилъ оное, какъ плодъ, возродившійся въ немъ отъ его поученій. Я съ удовольствіемъ сообщаю эпиграфы сіи любезнымъ моимъ соотечественникамъ; потому что подобныхъ моральныхъ писаній на нашемъ языкѣ еще нѣтъ! Хотя Сочиненіе сіе произошло изъ глубокихъ основаній, къ которымъ добираться надлежитъ чрезъ запутаннѣйшій лабиринтъ; однако, по содержанію въ немъ однихъ

послѣдствій безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, изложено оное просто, связно и вразумительно каждому, знающему только обыкновенныя логическія правила.

Академикъ *Д. Велланскій.*

Въ концѣ Августа 1834.

въ Санктпетербургѣ.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

Сочиненіе сіе не есть Философія, а имѣетъ только цѣлью показать достоинство Философіи; и писано не для настоящихъ Философовъ. Но, можетъ быть, иные не видѣвши, а только послышавъ объ ономъ, спросятъ съ полицейскою строгостью: для чего? и въ какомъ намѣреніи оно появляется?

Какое бы внутреннее достоинство и необходимость сочиненія ни были, всегда является оно въ Свѣтъ по большему или меньшему вліянію внѣшнихъ причинъ. Каждый находится во власти обстоятельствъ, которыя предписываютъ ему ходъ жизни, и свободное его

дѣйствіе опредѣляютъ то въ томъ, то въ другомъ направленіи. Нѣкоторыя изъ нашихъ дѣяній кажутся другимъ произвольными; но часто бываютъ онѣ отъ насъ вынуждены стеченіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

О внѣшнихъ причинахъ, побудившихъ къ изданію сего Сочиненія, публику увѣдомлять не нужно; и Сочинитель не намѣренъ защищаться таковымъ увѣдомленіемъ, въ случаѣ нападенія. Если въ Сочиненіи семъ заключается что-либо достойное вниманія, то для него не нужно никакое оправданіе: когда-же оно не содержитъ въ себѣ ничего достопримѣчательнаго, то Авторъ не проситъ снисходительнаго о немъ сужденія.

Практическая жизнь составляетъ главнѣйшую цѣль, къ которой устремлены всѣ усилія народовъ; а посему и Философія представлена здѣсь въ отношеніи къ общественной и приватной жизни.

Иностранцу опредѣлить трудно: нужно ли таковое изложеніе Философіи и для Германцевъ; но во всякомъ случаѣ, не можетъ оно быть и у нихъ совершенно излишнимъ. Хотя Германію можно назвать собственною страною Философовъ; ибо Философія явилась тутъ въ величественнѣйшемъ ея видѣ: однако многіе изъ ученыхъ Нѣмцевъ остаются къ ней равнодушными; а нѣкоторые неученые думаютъ предосудительно, что Философія или вовсе безполезна для жизни, или можетъ только имѣть весьма незначительное вліяніе на житейскія обстоятельства!

Сочиненіе сіе не изъято отъ недостатковъ. Счастливъ Писатель, который долгое время можетъ оставаться доволенъ своимъ твореніемъ, и не принужденъ въ скорости презирать оное потому, что не видитъ въ немъ ничего дѣльнаго, или потому, что въ теченіе времени познаніе его увеличилось, и превосходитъ мѣру и вѣсъ произведеннаго имъ плода!

Сочинитель не знаетъ, каковымъ сіе обстоятельство случается съ другими. О себѣ-же онъ сказать долженъ, что никакое предпріятіе ему не удается: большая часть мысленныхъ его произведеній, при первомъ появленіи, мертвѣетъ, нѣкоторыя, развившись до половины, увядаютъ, а другія показываются столь раздѣльными, что не могутъ быть представлены въ надлежащей связи; и душа, извлекая изъ внутренности духа каждую мысль порознь, не можетъ состроить цѣлаго умственнаго зданія. Въ такомъ внутреннемъ сосвѣдеціи, Сочинитель признается откровенно предъ публикою!

Поелику люди, и въ обыкновеннѣйшихъ своихъ соотношеніяхъ, такъ часто одни другихъ не разумѣютъ, или понимаютъ превратно; то Сочинитель, касаясь здѣсь предмѣтовъ, находящихся внѣ круга обыкновенныхъ свѣденій, и о которыхъ думаютъ столь многоразлично, долженъ опасаться, что многіе его не поймутъ, или будутъ толковать въ противную сторону.

Къ сему онъ, можетъ быть, самъ подастъ поводъ вольнымъ способомъ изложенія, не имѣющимъ строгихъ доказательствъ.

Но строгость и мѣра доказательствъ нужны только въ школѣ; а въ практической жизни потребно общее согласіе мнѣній. Строгое доказательство можетъ убѣдить каждаго, и упорствующихъ, особливо неопытныхъ, привесть въ совершенное паденіе: но таковая побѣда непрочна; ибо она, покоряя только разумъ побѣжденныхъ, не плѣняетъ ихъ сердецъ. Возмущеніе произойдетъ при первомъ случаѣ; и цѣль побѣды не будетъ достигнута. Напротивъ того, свободное и живое убѣжденіе дѣйствуетъ на духъ человѣческій лучше всякаго школьнаго доказательства.

Однако таковое убѣжденіе дѣйствуетъ различно по различію убѣждаемыхъ лицъ, а особливо по расположенію читателей, и не рѣдко при недоразумѣніи производитъ послѣдствіе, противное его цѣли. Посему Авторъ проситъ:

читать сіе Сочиненіе съ благонамѣреніемъ, и не столько смотрѣть на слова или выраженія, сколько на точный смыслъ оныхъ! Однѣ сочиненія написаны съ подробнымъ раздѣленіемъ, а другія съ явственнымъ изложеніемъ; и предлагаемое здѣсь, должно принадлежать къ числу послѣднихъ.

Въ Эрлангенѣ
11 Апрѣля 1822.

ВВЕДЕНІЕ.

Философію обыкновенно считаютъ пустымъ умствованіемъ, которое, хотя въ школьныхъ упражненіяхъ имѣетъ значительный вѣсъ, однако въ практической жизни либо вовсе неупотребительно, либо весьма мало приноситъ пользы. Такъ думаютъ о Философіи нетолько простые люди, но и многіе образованные, старающіеся распространить кругъ познаній для себя и для другихъ. Мнѣніе сіе столько-же несправедливо, сколько и убійственно для Философіи, возведенной нынѣ на высочайшую степень совершенства! Но дабы показать важность Философіи и благотворное вліяніе оной, представляется здѣсь подробное сужденіе объ отношеніи Философіи къ жизни цѣлыхъ народовъ и каждаго человѣка; которымъ она можетъ быть полезною на поляхъ сраженія, въ общенародныхъ собраніяхъ, въ до-

машнемъ быту и въ гражданскихъ должностяхъ. Посему Философія, какъ важнѣйшая и знатнѣйшая изъ всѣхъ Наукъ, не ограничивается школьною каѳедрою, а дѣйствуетъ на всю сферу человѣческой жизни.

Оцѣнивая Философію по ея пользѣ въ какихъ-либо упражненіяхъ, или во всѣхъ занятіяхъ человѣка, мы должны опасаться, возбудить чрезъ то корыстолюбіе тѣхъ людей, которые и въ Наукахъ ищутъ коммерческихъ своихъ выгодъ. Нѣкоторыя занятія, считаемыя обыкновенно весьма важными, не имѣютъ, можетъ быть, никакой связи съ Философіею, или находятся къ ней въ отдаленнѣйшемъ отношеніи. Въ другихъ дѣлахъ, составляющихъ единственное упражненіе многихъ, Философія не довлѣетъ къ исполненію оныхъ — даже и для тѣхъ, кои ожидаютъ отъ ней вѣрнаго пособія — и таковые должны считать Философію малозначущимъ только вспомогательнымъ средствомъ, которое замѣняется другими, гораздо

дѣйствительнѣйшими. Посему сужденіе считающихъ Философію совершенно безполезною, или не признающихъ необходимости въ оной, должно бы подтвердиться еще болѣе; и Философія потеряла бы чрезъ то всю свою цѣну въ общемъ мнѣніи.

Поелику таковый скользкій путь не можетъ привести къ показанію достоинства Философіи, и по разнымъ его направленіямъ можно еще совратиться въ сторону, противную предполагаемой цѣли; то мы оставимъ оный, и вмѣсто изслѣдованія пользы, доставляемой Философіею въ жизни человѣческой, докажемъ: что Философія сама по себѣ есть жизнь, или паче цвѣтущее состояніе жизни. Но какъ Философія составляетъ высочайшую жизнь, которой столь многіе не достигаютъ, а потому и считаютъ ее ничтожною; то разсматривая оную въ жизни нѣкоторыхъ людей, не можно показать настоящаго ея значенія. Какое бы превосходство разсматриваемой жизни ни было,

всегда почтутъ оное удѣломъ частныхъ лицъ, произведеннымъ ихъ особенностію, и не имѣющимъ свойства, принадлежащаго каждому человѣку. Ежели бы Философія не имѣла общаго вліянія на жизнь человѣческую, а оказывалась благотворною нѣкоторымъ токмо людямъ; тобы она должна подлежать предосужденію, произнесенному надъ ней вышеупомянутымъ мнѣніемъ.

Того ради мы дожны обратиться къ обширнѣйшей формѣ, объемлющей всю сферу человѣческаго существованія, въ которой должна заключаться и Философія, какъ необходимая принадлежность оной. Таковая форма есть Государство, соединяющее въ себѣ всѣ категоріи человѣческой жизни. А поелику Философія есть жизнь; то она не только должна быть въ Государствѣ терпима, но и входить въ существенный составъ онаго.

Впрочемъ высочайшая сія Наука требуетъ изложенія собственнаго ея достоинства, кромѣ

вліяній, оказываемыхъ ею на посторонніе предмѣты. И ежели мы докажемъ необходимость Философіи въ Государствѣ; то тѣмъ уничтожится главная часть упомянутаго противъ ней возраженія, и утвердится незыблемо ея достоинство.

Но цѣлость Государства составлена изъ частныхъ членовъ, которыхъ жизнь подлежитъ непосредственному вліянію Философіи, оказывающейся въ частныхъ лицахъ столь сильною и величественною, что всякій мѣлочный, слабый упрекъ долженъ исчезнуть предъ разительнымъ ея могуществомъ.

Въ изложеніи предмѣта нашего изслѣдованія, мы не столько будемъ держаться ученой строгости, сколько смотрѣть на обыкновеннѣйшій внутренній опытъ. Но обширность и занятіе внутренняго опыта въ каждомъ узнать трудно; а потому изложеніе сіе будетъ касаться собственно человѣческихъ обстоятельствъ, къ которымъ каждый человѣкъ находится въ большемъ или меньшемъ отношеніи.

Для посвятившихся въ таинства Философіи, Сочиненіе сіе было бы излишно; но для тѣхъ, кои не освѣщались и не согрѣвались философическимъ солнцемъ, можетъ оно быть не безполезно, указывая имъ высшую область истиннагопросвѣщенія.

Мы не обязаны излагать здѣсь всю исповѣдь нашей Философіи, и не будемъ говорить ничего опредѣлительнаго о Философскихъ Системахъ; поелику вступающимъ въ преддверіе Философіи, не надобно вперять пристрастіе къ одной и ненависть къ другой сектѣ, а нужно только показать имъ идею Философіи, въ ея чистотѣ и живости; дабы они восхитительнымъ ея видомъ одушевлялись и возбуждались къ любомудрію. Излагая признаніе наше о Философіи, мы бы могли только содѣлать послѣдователей ея Системы, и вооружить ихъ противъ послѣдователей другихъ сектъ; но таковые поборники не сдѣлаютъ никакого завоеванія. Философія пріобрѣтаетъ также тріумфы

свои войною: но здѣсь должны сражаться не ученики, а одни мастера. Въ сіе сраженіе учениковъ водить не должно; ибо они, смотря на смертный обликъ Философіи, потеряютъ изъ виду безсмертное ея существо, и ввергнутся опять въ пучину обыкновенныхъ страстей, изъ которой должно выводить ихъ истинное философское ученіе.

Сознаваться о семъ предъ философическою публикою не слѣдуетъ потому, что при великой борьбѣ и большомъ несогласіи Философемъ, особливо въ Германіи, всякъ, появляющійся съ чемъ-либо собственнымъ, легко можетъ возбудить противъ себя всѣ партіи: когда-же захочетъ онъ послѣдовать предшествовавшей уже Системѣ, то подвергнется всей тяжести упрековъ, произнесенныхъ на оную страстями, предразсудками и долговременною привычкою; чрезъ что́ несвѣдущіе люди могутъ возъимѣть къ нему отвращеніе. Многимъ стоитъ только выставить знакомую имъ цѣль; и они готовы

пустить туда стрѣлы свои, которыми попадаютъ вѣрно, не смотря даже на самую мѣту — такъ искусились они частымъ упражненіемъ въ стрѣльбѣ своей! Особливо легкомысленные поступаютъ здѣсь весьма неистово: узнавъ только объ имени Философіи — называется ли она Идентитизмомъ, или Идеализмомъ, или Реализмомъ, или Критицизмомъ и т. п. — тотъ часъ выдаютъ объ оной сужденіе свое, которое основываютъ на слухахъ, носящихся о томъ въ публикѣ, — съ того времени, когда Философія начала быть предмѣтомъ обыкновенныхъ разговоровъ.

Всѣхъ таковыхъ случаевъ избѣгать должно; не для устраненія споровъ, которые не составляютъ еще крайняго зла; но потому, что здѣсь не мѣсто вызывать кого-либо на брань, которая тутъ нетолько была бы безполезна, но и могла бы еще причинить вредъ.

Ежели характерные люди должны быть тверды въ своихъ поступкахъ, не сгибаться

предъ всѣми, для угожденія каждому, и не перемѣнять ежеминутно внутренняго своего убѣжденія по внѣшнимъ обстоятельствамъ; то напротивъ того, слабые и заносчивые вооружаютъ только противъ себя другихъ, безъ всякаго къ тому повода. И брань имѣетъ свою важность, когда ведется она съ достоинствомъ!

Излагаемыя здѣсь мысли, всѣмъ нравиться не могутъ. Но мы просимъ знающихъ читателей, смотрѣть на точку зрѣнія, изъ которой произошло Сочиненіе сіе! Имѣя въ виду образованный класъ людей, мы сочли ненужнымъ, излагать наши мысли рядами параграфовъ, и по всѣмъ правиламъ ученыхъ книгописателей. Но какъ Философія представляется здѣсь внѣ школьной области; то мы должны приспособлять оную ходу практической жизни, и на семъ пути стараться снискать нашему изложенію общій доступъ; дабы и мало занимавшіеся таковыми предмѣтами, могли понимать оное.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Философія, въ отношеніи къ жизни цѣлаго народа.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О пользѣ, признаваемой въ человѣческой жизни, въ Наукахъ и въ Государствѣ.

Жизнь каждому пріятна, и всякъ стремится къ оной съ жадностію. Посему неудивительно, когда столь многіе предпочитаютъ все то, что́ служитъ болѣе къ возбужденію и удовольствію ихъ жизни, и называя таковое полезнымъ, стараются наипаче пріобрѣсти оное. Но въ семъ разумѣніи, все, произведенное человѣкомъ, какого бы рода и качества то ни было, должно считать полезнымъ; ибо оно есть плодъ развитія человѣческой жизни, въ отношеніи къ кото-

рой, не можетъ быть безполезнымъ. О пользѣ вещей находятся весьма различныя и противуположныя мнѣнія, зависящія отъ различныхъ направленій, по которымъ люди шествуютъ въ дѣяніяхъ своихъ. Всякому открыто безконечное поприще жизни; но каждый избираетъ для себя малую токмо часть рысталища, въ которой живетъ, какъ въ собственномъ его мірѣ, и по которой измѣряетъ всѣ происшествія другихъ сферъ. Все, служащее къ занятію духа человѣческаго, можно считать полезнымъ; но польза онаго опредѣляется самимъ занятіемъ. Каждый признаетъ полезнымъ только то, что́ входитъ въ собственную сферу его жизни, или принадлежитъ тѣмъ сферамъ его сосѣдей, которыя онъ обозрѣвать можетъ. Все прочее не имѣетъ для него никакого значенія. Отсюда произошло ограниченное понятіе о жизни, разсматривающее оную въ однѣхъ смертныхъ формахъ низшей области явленія, и которое всѣ происшествія высшихъ ея сферъ признаетъ безполезными и не стоющими никакого вниманія. Такимъ

образомъ утвердилось обыкновенное мнѣніе людей, полагающихъ совершенство жизни въ томъ: чтобы провождать оную весело и съ удовольствіемъ, ходить въ дружескія собранія, имѣть хорошій тонъ и пристойныя манѣры обращенія, умѣть прожить въ свѣтѣ, и играть въ немъ пріятную роль. Но всѣ таковыя принадлежности, какъ внѣшнее обладаніе, составляютъ только баластъ жизни, — безъ котораго конечно судно плаванія нашего скоро опрокинуться можетъ. Мы не намѣрены порочить таковой жизни, или доказывать ея ничтожество: пусть ее ведетъ, кому она нравится! Но не можемъ смотрѣть равнодушно, чтобы оную поставляли мѣрыломъ всякой другой жизни, и всѣ житейскія принадлежности ограничивали въ тѣсномъ ея кругѣ: гдѣ бы помѣщали мастерства и Науки, произвольную игру фантазіи и высокія творенія Искуствъ, произведенія индустріи человѣческой и порожденія Природы, ежедневныя происшествія и историческія событія. Таковая жизнь должна оста-

ваться только въ собственной сферѣ частныхъ лицъ, а не простирать своего вліянія на все общество людей.

Сіе вліяніе произвело ограниченность, и вкоренило превратное мнѣніе во всѣхъ занятіяхъ и поступкахъ человѣческихъ, по которымъ тѣ только Науки считаются принадлежащими къ жизни, изъ которыхъ каждый человѣкъ можетъ извлекать непосредственную пользу. — Итакъ усилія Естествоиспытателей, углубляющихся въ нѣдра Природы, для изслѣдованія внутреннихъ ея содержаній, не принадлежатъ къ жизни? Восхищеніе Астрономовъ, измѣряющихъ небеса, не составляетъ никакой жизни? Непреоборимое желаніе Маѳематиковъ, представить вѣчную и безпредѣльную идею ума, въ ограниченномъ пространствѣ и преходящемъ времени, не служитъ ни къ чему въ жизни? Любовь Археологовъ, съ каковою они слѣдуютъ за духомъ древности, и наслаждаются миновавшими его произведеніями, есть ли мертвая? Безкорыстіе

рыя однако, будучи ограничены въ кругу общенародной пользы, не составляютъ истиннаго достоинства.

Худое понятіе о Государствѣ имѣютъ тѣ, кои всю цѣну полагаютъ только въ предмѣтахъ, споспѣшествующихъ непосредственно земледѣлію, промышленности и торговлѣ, либо способныхъ къ военнымъ дѣйствіямъ, или выгодныхъ для гражданскаго управленія; но ученыя изслѣдованія, не входящія въ очевидное употребленіе, считаютъ излишнимъ, или даже пустымъ, головоломнымъ занятіемъ, отвлекающимъ только отъ полезнѣйшихъ упражненій. Таковые не знаютъ, что Государство не опредѣлено быть тѣмъ или другимъ явленіемъ въ Природѣ, или служить цѣлью какихъ-либо происшествій; но по вѣчной идеи его существованія, всѣ, содержимыя въ немъ, сѣмена жизни должны развиться въ предназначенныя имъ формы. Государство есть организмъ всѣхъ людей; и чего не можетъ содѣлать одинъ че-

ловѣкъ, то должно учиниться въ составѣ цѣлаго общества; которое посему имѣетъ безконечное множество задачъ, предложенныхъ его рѣшенію. Къ Государственному учрежденію относится все, принадлежащее области духа человѣческаго: Науки и ремесла, предмѣты земнаго качества и небеснаго свойства. Совершенное Государство развито со всѣхъ сторонъ; и всякое препятствіе въ его развитіи должно быть отдаляемо. Никакой порывъ, усиливающійся къ возвышенію Государства, не долженъ быть останавливаемъ, но паче надлежитъ споспѣшествовать оному.

Науки преуспѣваютъ только при благопріятныхъ обстоятельствахъ, и когда занимаются оными для устроенія ихъ самихъ. Посему Ученые всегда противились покоренію ихъ Наукъ какимъ-либо видамъ, имѣющимъ непосредственное отношеніе къ общественной пользѣ. Но удивительно, что тѣже Ученые, толико ревностные къ свободѣ своихъ Наукъ, стараются

наложить на Философію иго, котораго сами избѣгаютъ, т. е. подвести всю ея важность подъ мѣру доставляемой ею очевидной пользы! Таковые, не учившись Философіи, желаютъ, чтобы она помогала имъ въ ихъ нуждѣ и рѣшала, не понимаемыя ими, задачи такъ, какъ имъ угодно. Они выбираютъ изъ оной только то, что считаютъ для себя употребительнымъ; все-же прочее отвергаютъ, какъ безполезное. Таковые Ученые, возбраняя свободный ходъ Философіи, хотятъ измѣнить оную по ограниченнымъ своимъ понятіямъ: когда-же съ нею управиться не могутъ, то охуждаютъ ее, какъ суетную головоломню, приводящую только разумъ въ замѣшательство, и отнимающую нужное время. Особливо вопіютъ они противъ той Философіи, которая, достигши высочайшей степени совершенства, утвердилась въ прочной ея формѣ, и вышедши изъ празднаго состоянія, которымъ ей столь часто упрекали, возвела другія Науки изъ низкой, бѣдной юдоли въ высшую область познанія; гдѣ показала ничтожество

прежнихъ свѣденій, дала всему оборотъ, и упорствующихъ противъ сей реформы, погребла подъ развалинами ветхаго зданія дряхлой учености (*). Сія Философія, по ихъ сказанію, заражаетъ всѣ Науки непроницаемымъ ея мракомъ, наводитъ вездѣ темную ночь, и противится здравому человѣческому разуму. Философію обвиняютъ, когда она отдѣлена совершенно отъ сообщества Ученыхъ; но не менѣе того ставятъ ей въ вину, когда она является между-

(*) Авторъ разумѣетъ здѣсь Философію *Фридриха Вильгельма Шеллинга*, котораго главнѣйшія Сочиненія суть: Erster Entwurf eines Systems der Naturphilosophie. 1799. System des transcendentalen Jdealismus. 1800. Darstellung meines Systems der Philosophie: in der Zeitschrift für speculative Physik. Zweites Bandes zweites Heft. 1801. Neue Zeitschrift für speculative Physik. 1802. Jdeen zu einer Philosophie der Natur. 1803. Philosophische Schriften. 1809.

Примѣчаніе Переводчика.

ними: такъ, что во всякомъ случаѣ, не отдаютъ ей никакой справедливости; поелику таковые люди не терпятъ собственно Философіи, а желаютъ только имѣть орудіе для ихъ Наукъ, по которому бы удобнѣе могли доставать хлѣбъ свой.

Когда мудрое Правительство предоставляетъ нужную свободу изысканіямъ духа человѣческаго; то корыстолюбивые Ученые желаютъ пользоваться одни симъ правомъ, и не допущаютъ Философію участвовать въ ономъ. Для того стараются они склонить Правительство на свою сторону, увѣряя оное въ пользѣ и необходимости своихъ Наукъ, и представляя Философію, какъ можно, въ худшемъ видѣ: яко бы оная совершенно безполезна въ Государствѣ, и даже опасна для Религіи!!

Нерѣдко слышны жалобы на жестокость политическаго деспотизма; но гораздо чаще, и съ бо́льшею жестокостію, свирѣпствуетъ тако-

вый деспотизмъ въ республиканской области Наукъ! Во всѣ времена ученые педанты старались наложить оковы на духъ человѣческій, и содержать оный въ тѣсныхъ предѣлахъ. Если кто осмѣлится перейти сіи границы, на того нападаютъ со всѣхъ сторонъ и усиливаются задушить его. Когда-же таковаго одолѣть не могутъ, то предаютъ его проклятію и оглашаютъ, предъ несвѣдущими, зараженнымъ опасною болѣзнію, — каковое оглашеніе выставляютъ на всѣхъ ученыхъ сборищахъ; дабы никто не сообщался съ прокаженнымъ!

Философія издревле имѣла несчастіе, испытывать многоразличныя сопротивленія; ибо всегда находятся люди, вмѣняющіе себѣ въ обязанность, порочить оную, какъ можно, предъ несвѣдущими. Одни обвиняютъ ее въ томъ, что она возбуждаетъ безпокойныя головы, и развиваетъ революціонныя сѣмена въ Государствѣ; другіе охуждаютъ въ ней пустое умствованіе, не приносящее никакой пользы ни цѣлому

обществу, ни частнымъ лицамъ. Одни приписываютъ ей религіозное иступленіе; а другіе утверждаютъ, что она ведетъ къ безвѣрію. По мнѣнію нѣкоторыхъ, Философія не подаетъ никакого пособія прочимъ Наукамъ; другіе-же упрекаютъ ей вмѣшательствомъ во всѣ знанія, которыя будто бы запутываетъ она своею спекуляціею. Посему противныя партіи: деспоты и демагоги, набожные и не вѣрующіе люди, по разнымъ причинамъ, имѣютъ равное отвращеніе отъ Философіи! Мы не станемъ доказывать, что всѣмъ онымъ партіямъ Философія могла бы послужить спасительнымъ наставленіемъ, а покажемъ только: что оная, какъ для каждаго благомыслящаго человѣка, такъ и для благоустроеннаго Государства, составляетъ существенную принадлежность.

Дабы утишить сколько нибудь крикъ, поднятый на Философію, и показать неосновательность толикихъ возраженій противъ оной, нужно представить идею различныхъ Наукъ и

Философіи, и вывесть взаимное содержаніе между оными. Изъ сего можетъ быть явственнымъ отношеніе ихъ къ Государству и частнымъ людямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

А. Объ основной идеѣ всѣхъ Наукъ, въ общемъ содержаніи оныхъ.

Всѣ Науки произведены родомъ человѣческимъ, по возбужденію въ немъ неутолимаго вожделѣнія къ воззрѣнію и представленію вѣчнаго и безпредѣльнаго начала жизни. Не ко всѣмъ изобрѣтеніямъ было поводомъ утоленіе тѣлеснаго голода и жажды. Человѣкъ имѣетъ еще голодъ и жажду гораздо высшаго, душевнаго свойства, которые онъ искони старался утолить въ Наукахъ и Искуствахъ. Къ изобрѣ-

тенію послѣднихъ не руководствовался онъ какими-либо относительными выгодами; но возжигаясь искрою небеснаго огня, имѣлъ предмѣтомъ своего изслѣдованія идею божественнаго начала.

Человѣческій духъ излился во всѣ страны физическаго міра, и наполнилъ своими произведеніями всю сферу психической жизни. Дѣйствуя во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ, стремится онъ къ одной цѣли, означаемой небеснымъ въ немъ побужденіемъ. Въ отдаленнѣйшихъ странахъ, и въ различнѣйшихъ формахъ жизненнаго явленія, дѣятельность его одна и таже. Въ Маѳематикѣ, въ Физикѣ, въ Исторіи и во всѣхъ Наукахъ и Искуствахъ, имѣетъ онъ цѣлью: открытіе одной идеи, образующейся безконечнымъ множествомъ естественныхъ формъ, составляющихъ Вселенную.

Такимъ образомъ дѣйствовалъ геній человѣчества въ людяхъ, безъ ихъ о томъ сосвѣдѣнія. Ежели частные зиждители Наукъ не чув-

ствуютъ въ себѣ божественнаго онаго побужденія; то они сами въ томъ виновны, и наказываются за отпаденіе ихъ отъ Бога!

Таковому отпаденію отъ Бога приписать должно вавилонское смѣшеніе языковъ между многими Учеными, которые, работая надъ общимъ зданіемъ, одни другихъ не разумѣютъ. Не будучи соединены понятіемъ единственной творческой идеи, которую каждый долженъ представлять особливымъ образомъ, они раздѣлились, и потерявъ чувство истиннаго Божества, всякъ покланяется своему идолу! Сіе раздѣленіе произвело между Учеными вражду, брань и несогласіе, въ каковыхъ провождаютъ они бѣдственно ту самую жизнь, которая, образуясь ими въ преддверіи вѣчности, должна бы протекать въ любви и восхищеніи представляющихъ божественное величіе оной!

Занимающійся Науками механическимъ образомъ, безъ соотношенія оныхъ къ высшему единству Природы, не знаетъ начальнаго ихъ

источника и собственнаго имъ предопредѣленія. Таковый, разсматривая Науку въ одной мертвой, внѣшней формѣ, не видитъ тамъ живой, внутренней сущности духа, открывающаго таинства міра.

В. Первоначальная идея, какъ основаніе Философіи.

Когда частныя Науки изслѣдываютъ и представляютъ особые виды Творческихъ явленій въ мірѣ; то Философія, не довольствуясь одними лучами видимаго сіянія, проницаетъ къ невидимому источнику свѣта, и разсматриваетъ тамъ дѣйствительныя происшествія въ возможной ихъ идеѣ, или въ Богѣ, какъ абсолютномъ началѣ всего существованія. Цѣль Философіи есть, содѣлать человѣка всегдашнимъ причастникомъ Божіей соприсносущности: такъ, что гдѣ бы онъ ни былъ, чѣмъ бы ни занимался,

всегда находился бы подъ видимымъ ему, осѣненіемъ вездѣ Сущаго и вся Исполняющаго. Посему Философія столько-же существенна человѣку, сколько свойственно ему стремленіе къ Богу.

Философія необходима и для другихъ Наукъ; ибо какъ сіи Науки изслѣдываютъ и излагаютъ частныя токмо принадлежности начальнаго единства, такъ Философія разсматриваетъ оное единство въ его цѣлости. Безъ Философіи всѣ Науки не имѣли бы между собою никакой связи, и составляли бы однѣ кучи развалинъ; поелику изслѣдованіе частныхъ предмѣтовъ получаетъ только значеніе свое отъ показанія оныхъ въ цѣломъ содержаніи. Философія столько-же необходима, какъ и разсматриваемое ею начальное единство вещей; и по ея сущности уничтожена быть не можетъ. Она не введена по какому-либо случаю, но произошла вмѣстѣ съ родомъ человѣческимъ; и никакая власть не въ состоя-

ніи разрушить ея самобытность. Покуда существуютъ люди возвышеннаго духа, не довольствующіеся обыкновенными свѣденіями, до тѣхъ поръ будетъ находиться и Философія.

Однако не каждый человѣкъ признаетъ для себя Философію необходимою. Какъ растѣніе прозябаетъ изъ земли, и развивается во всемъ его великолѣпіи, безъ всякаго о томъ сочувствія: такъ бо́льшая часть людей произрастаетъ и уносится рѣкою жизни, не зная стремнины и не испытывая глубины оной. Носясь на струяхъ жизненной пучины, преплываютъ они пріятныя и суровыя страны, то подъ яснымъ небомъ, то при грозныхъ тучахъ, гдѣ испытываютъ радость и печаль, удѣляемыя имъ судьбою: иногда колеблясь во внутреннихъ чувствованіяхъ и мысленныхъ недоумѣніяхъ, иногда развлекаясь шумными увеселеніями, иногда стоная въ безплодной пустынѣ своего духа, проходятъ они слѣпо путь жизни, котораго кривизны, обведенныя тайною цѣпью обстоятельствъ, предозначены

закономъ общихъ нравовъ и обычаевъ, и опредѣлены занятіями, возлагаемыми на нихъ должностію общественныхъ постановленій. Сіи люди, провождая жизнь свою въ узахъ невидимой имъ силы, не владѣютъ сами собою; и пришедши наконецъ ко вратамъ вѣчности, видятъ тамъ гробъ свой, предъ которымъ помнятъ только протекшую ихъ жизнь, какъ бывшее сновидѣніе!

Таковые люди не расположены къ Философіи; равно какъ и Философія остается для нихъ чуждою. Но другимъ, неисповѣдимая судьба вліяла неутолимое вожделѣніе къ любомудрію, по которому они, вышедши изъ обыкновеннаго равнодушія къ познанію міра, вступаютъ на сцену, лежащую между противуположными пунктами относительнаго свѣденія; гдѣ колебаясь безпрестанно, тѣмъ сильнѣе влекутся къ абсолютному понятію, какъ единственному центру тяжести! И для сихъ было время философской невинности; когда они

покоились еще въ нѣдрахъ Природы, какъ зародыши, развивающіеся въ матерней утробѣ. Они жили тогда согласно сами съ собою и съ окружающими ихъ предмѣтами; потому что разумъ ихъ не раздѣлялъ еще начальнаго единства между ими и внѣшнимъ міромъ, и они не были принуждены возстановлять съ трудомъ, разрушенное единство. При началѣ сосвѣдущаго разсудка, послѣдовавшемъ съ дальнѣйшею зрѣлостію, потеряно у нихъ внутреннее спокойствіе, и произошло несогласіе въ нихъ самихъ и несходство между ихъ понятіями и вещами!

Посему они, какъ-бы пробудившіеся отъ глубокаго сна, чувствуютъ себя переселенными въ другой міръ, преисполненный сѣтованія и разврата, и, памятуя нѣсколько о прежнемъ, блаженнѣйшемъ ихъ жилищѣ, побуждаются всегдашнимъ вожделѣніемъ къ оному. Въ печальной своей обители, видятъ они общее разстройство и неукротимый раздоръ частныхъ

происшествій; гдѣ важнѣйшіе предмѣты считаются малозначительными, и любовь подвержена ненависти! При семъ взглядѣ чувствуютъ они необходимость, привести разстроенныя ихъ обстоятельства въ гармоническое состояніе, но находятъ себя въ такомъ замѣшательствѣ, изъ котораго выпутаться не могутъ. Иногда показывается имъ издали яснѣйшій свѣтъ, но который окружающую ихъ тьму, дѣлаетъ только ощутительнѣйшею. Иногда лучь высшей истины проницаетъ въ ихъ внутренность, и показываетъ ложнымъ то, что́ признавали они за истинное. Испытывая доброту высшаго достоинства, познаютъ они малость считаемаго ими, величайшаго блага. Возраждающееся у нихъ сомнѣніе, лишаетъ ихъ всякой извѣстности, полученной ими отъ слѣпаго вѣрованія и отъ уважаемыхъ преданій. Потерявъ безпечность и самодовольствіе, свойственныя ограниченнымъ, вдаль не размышляющимъ людямъ, остаются они въ пустотѣ своего духа, изнуряясь неутолимою жаж-

дою просвѣтлѣнія! Обычаи и закоренѣлые предразсудки не имѣютъ надъ ними никакой силы. Они не хотятъ жить поверхностно, но желаютъ проникнуть въ глубину жизни, изслѣдовать ея полноту и почерпать удовольствіе свое у самаго источника. Таковые, смотря на бытіе свое, представляющее одну ничтожную тѣнь, недовольны сами собою, и силятся выдти изъ сего положенія. Они убѣгаютъ сообществъ, въ которыхъ страданіе ихъ только заглушается, а не облегчается, и предаютъ себя уединенію; гдѣ однако, гнѣздящійся у нихъ, внутренній раздоръ лишаетъ ихъ желаемаго покоя!

Весьма многіе люди находятся въ такомъ состояніи духа; и отъ сего происходитъ толикое различіе. — Одни, теряясь въ безпредѣльномъ кругѣ дѣяній, сплетаютъ изъ оныхъ исторію свою; другіе довольствуются извѣстными только познаніями; а нѣкоторые занимаются опредѣленными предмѣтами Искуствъ,

постигнутыхъ ими въ большей или меньшей мѣрѣ совершенства.

Но отъ всѣхъ таковыхъ различаются тѣ, которые, не довольствуясь частными понятіями, и не ограничиваясь никакимъ кругомъ формальныхъ свѣденій, стремятся къ познанію Вселенныя. Оставляя земную область, возвышаются они въ небеса; дабы видѣть начало всѣхъ вещей въ Богѣ, и найти успокоеніе свое въ источникѣ всего существованія! Таковые шествуютъ настоящимъ путемъ къ Философіи. Въ чьемъ духѣ расторгнута вся связь поверхностныхъ знаній, и осталось только безпрестанное сѣтованіе о потерянномъ блаженствѣ міра, не прогоняемое легкомысленною разсѣянностью, и не утоляемое слѣпымъ вѣрованіемъ, тотъ имѣетъ необходимость въ Философіи, и не можетъ успокоиться, не достигнувъ всѣхъ ея степеней. Философъ занимается соединеніемъ раздѣльнаго положенія его духа; и грусть вмѣстѣ съ ра-

достію составляютъ содержаніе его занятій, имѣющихъ цѣлью ясное созерцаніе Бога во всѣхъ, разсматриваемыхъ имъ, предмѣтахъ.

Человѣкъ въ обыкновенной жизни занимается только частными обстоятельствами оной, каковыя суть: великолѣпныя празднества, важныя народныя происшествія и достопримѣчательныя торжества; либо чистая любовь, принадлежащая цвѣтущему времени физической жизни. Его занимаютъ также очаровательная Поэзія, трогательная Музыка и восхитительное зрѣлище Природы. Въ минуты священнаго восторга и возвышеннаго унынія, шумъ обыкновенной жизни издаетъ для него одни печальные звуки; и онъ побуждается тогда рвеніемъ къ небесному селенію! Но ежели человѣку обыкновеннаго житія, безконечная жизнь, наполняющая весь міръ, является только по минутамъ; то Философъ, имѣющій оную своимъ предмѣтомъ, наслаждается всегдашнимъ ея присутствіемъ!

Но Философія, будучи по ея идеѣ одинакою, въ каждомъ Философѣ оказывается сообразною его особенности. Философъ, не имѣющій въ себѣ сильнаго побужденія и дѣятельной рѣшимости къ изысканію истины въ самомъ ея основаніи, не достигаетъ высочайшаго пункта Философіи, и остается на извѣстной ея степени.

Отсюда произошло величайшее различіе между Философами, касательно ихъ познанія. Одни довольствуются не совсемъ вѣрными свѣденіями, которыя имѣетъ также и простой человѣкъ; а другіе требуютъ истиннаго знанія, чуждаго для обыкновенныхъ людей, которые, находясь въ низшей области, не постигаютъ истины, обитающей въ высшей сферѣ духа. Иные желаютъ имѣть Философію доброю только хозяйкою, которая бы содержала въ порядкѣ умственное ихъ домоводство, и распоряжала бы ихъ мысли, для удобнѣйшаго употребленія оныхъ по ихъ со-

изволенію, — таковые содѣлываютъ Философію однимъ орудіемъ прочихъ знаній. Но другіе признаютъ гораздо высшее достоинство Философіи, видя въ ней центръ всеобщаго познанія, въ которомъ соединяются разсѣянные лучи частныхъ свѣденій. Нѣкоторые требуютъ только отъ Философіи положительныхъ правилъ для нравственныхъ поступковъ, всѣ же ѳеоретическія въ ней изслѣдованія считаютъ маловажными. Другіе напротивъ того, полагаютъ нераздѣльное единство практической Философіи съ ѳеоретическою, въ которой усматриваютъ показаніе абсолютной сущности міра, коего всѣ видимыя формы суть только преходящія явленія оной. Но многіе отрицаютъ возможность познанія Абсолютнаго, — а какъ оное составляетъ главнѣйшій предмѣтъ философскаго знанія; то по таковому мнѣнію, Философія должна бы оставаться тщетною!

С. О содержаніи Философіи къ прочимъ Наукамъ.

Философія составляетъ особую Науку, служащую свѣтильникомъ для духа человѣческаго, который освѣщается онымъ въ безконечныхъ путяхъ его занятій. Но Философія, по ея вліянію на всѣ Науки, содержится къ онымъ, какъ общее къ частнымъ, и находясь въ каждой Наукѣ, остается тамъ невидимою. Она не приводитъ всѣхъ знаній въ одну форму, но паче заставляетъ оныя образоваться въ несмѣтномъ различіи формъ. Философія доставляетъ высокое созерцаніе міра, совершаемое мгновенно, но которое едва достигается въ продолженіе цѣлой жизни!

Всѣ геніи въ Искуствахъ и Наукахъ одушевлены Философіею. Но геній есть тотъ, въ которомъ, по отдаленіи индивидуальнаго сосвѣденія, образуется общее сосвѣденіе че-

ловѣчества, изъявляемое въ мысляхъ, чувствованіяхъ и дѣяніяхъ, происходящихъ не отъ частнаго лица, но отъ всего человѣческаго рода, представляемаго въ одномъ лицѣ. Божественныя искры, издаваемыя таковымъ лицемъ, выходятъ изъ одного горнила, въ которомъ пламенѣетъ неугасаемый огонь всѣхъ великихъ помышленій и дѣяній!

Но возразитъ кто-нибудь: что величайшіе Поэты, Живописцы, Ваятели, Маѳематики, Полководцы и проч. не были Философы; и совершали искуственныя свои произведенія, глубокія вычисленія и геройскія дѣянія, безъ помощи Философіи. Когда Философію принять, какъ одно изслѣдованіе абсолютной истины ученаго познанія; то она подлинно не участвуетъ въ трудахъ артистовъ, маѳематиковъ и воиновъ. Но ежели сущность Философіи есть общее, невидимое основаніе всѣхъ частныхъ, явственныхъ происшествій; то безъ животворнаго вліянія оной не зара-

ждается и не созрѣваетъ никакое произведеніе духа человѣческаго.

Въ важнѣйшихъ историческихъ происшествіяхъ и эстетическихъ произведеніяхъ, Философія имѣетъ положительное участіе, котораго другія Науки замѣнить не могутъ. Никакое знаніе не занимаетъ нашего духа такъ, какъ Философія. Она слѣдуетъ за нами въ тихое уединеніе и шумное волненіе міра, показуетъ намъ темный путь ѳеоретическаго понятія и бурное стремленіе практическаго дѣйствія, сопровождаетъ насъ въ лабиринтѣ житейскихъ обстоятельствъ, и остается съ нами при всякой участи нашей жизни. Когда прочіе Науки подаютъ намъ частныя наставленія, въ нѣкоторыхъ только обстоятельствахъ, Философія озаряетъ насъ вездѣ своимъ свѣтомъ: на поляхъ кровавой битвы и въ мирныхъ селеніяхъ, на сценѣ публичной жизни и въ кругу домашнихъ упражненій. Она подкрѣпляетъ наши силы, истощеваемыя скорбію и

вступаетъ смѣло на сцену міра; гдѣ жизнь его, развлекаемая мѣлочными занятіями, не истощевается въ силахъ своихъ, но струясь подъ поверхностью ежедневныхъ происшествій, вырывается оттуда въ частныхъ ея изліяніяхъ.

Тщетно старается человѣкъ удовлетворить жизнь свою частными занятіями въ области Наукъ, пріобрѣтая множество познаній неутомимымъ размышленіемъ, тщательными изслѣдованіями и дѣйствительнымъ обозрѣніемъ прелестныхъ странъ! Все сіе проходитъ, какъ тѣнь облаковъ, и оставляетъ его въ вожделѣніи къ дальнѣйшему стремленію. Предаваясь чувственнымъ удовольствіямъ, утопая въ наслажденіяхъ и развлекаясь утѣхами, можетъ онъ заглушить себя на нѣкоторое время, но опамятовавшись, испытываетъ горестнѣйшее чувствованіе, причиняемое пустотою оныхъ! Величайшіе труды и тяжелѣйшія работы не доставляютъ человѣку никакого успокоенія прежде, нежели всѣ дименсіи его духа не

придутъ въ равномѣрность, достигаемую въ совершенномъ образованіи онаго.

Глубина человѣческаго духа неизмѣрима; и по оной человѣкъ соединенъ съ сущностію всѣхъ вещей. Въ ночномъ мракѣ таковой глубины сокрыто чудное свойство самаго духа; гдѣ также находится все, кажущееся сверхестественнымъ. Въ духѣ человѣческомъ насаждены сѣмена всего міра, и онъ, заключая въ себѣ полноту Вселенной, не можетъ быть удовлетворимъ и успокоенъ, какъ только яснымъ воззрѣніемъ на вѣчное и безпредѣльное существо, усматриваемое имъ во всѣхъ вещахъ. Таковое воззрѣніе есть неизсякаемый источникъ постоянной радости, укрѣпляющей и ободряющей духъ зрителя! Душа, теряющая изъ виду предмѣтъ онаго воззрѣнія, и предающаяся другимъ занятіямъ, теряетъ притомъ рай свой и подвергается смертной судьбѣ; гдѣ она, хотя также сыскиваетъ свои утѣхи, но которыя при первомъ появленіи уходятъ

и оставляютъ ее въ мучительнѣйшей горести. Въ такомъ положеніи она безпокоится, странствуетъ по бурнымъ стезямъ жизни и въ мирныхъ пристанищахъ Наукъ, отыскивая свой рай, но нигдѣ не находитъ онаго!

Нѣкоторые, изумляясь чудною силою числъ и фигуръ, углубляются ревностно въ Маѳематику, и съ дѣтскою радостію занимаются ея проблемами; которыя однако, съ ихъ рѣшеніемъ, теряютъ для нихъ очаровательность свою. Другіе, увлекаясь видами Природы, предаются Физическимъ Наукамъ, въ надеждѣ проникнуть въ ея внутренность, и почерпнуть тамъ болѣе животворной силы. — Но по раздѣленіи всѣхъ ея существъ на классы, по приведеніи дѣйствія оныхъ подъ законы давленія, притяженія, отторженія и т. д. и по разложеніи тѣлеснаго ихъ состава на нѣсколько десятковъ атомовъ, не видятъ сокрытой ея внутренности; а посему горячность ихъ къ естественнымъ изслѣдованіямъ просты-

вѣть. Нѣкоторые, восхищаясь неизмѣннымъ движеніемъ небесныхъ тѣлъ, учатся Астрономіи для удовольствія, доставляемаго имъ наблюденіями величественныхъ явленій, но не видя внутренней сущности внѣшнихъ формъ, находятъ оныя незанимательными. Многіе, побуждаясь гадательнымъ чувствомъ, посвятили себя Наукамъ; дабы при свѣтѣ оныхъ достигнуть совершеннаго познанія изслѣдуемыхъ ими предмѣтовъ; но видя здѣсь разборъ одной внѣшности міра, и находя мертвыя понятія о его жизни, оставляютъ таковыя Науки и сожалѣютъ о прежнемъ своемъ незнаніи, въ которомъ они утѣшались дѣтскими ихъ свѣденіями о Природѣ! Обыкновенныя познанія Наукъ такъ бѣдны, что не стоютъ труда, нужнаго для пріобрѣтенія оныхъ; ибо самая темнота, освѣщаемая блескомъ молніи, свѣтлѣе всей ихъ ясности!

Подобно запрещенному плоду, Науки имѣютъ чрезвычайную прелесть для любопытнаго, не

отвѣдавшаго оныхъ; который однако, по испытаніи всего ихъ содержанія, остается неудовлетвореннымъ и предается еще бо́льшему безпокойству. Посему многіе, обманувшись надеждою, полагаемою ими въ нѣкоторыхъ знаніяхъ, считаютъ всѣ Науки тщетными, довольствуются однимъ свѣденіемъ простаго народа, презираютъ всякое ученое изслѣдованіе, и только стараются о снисканіи чувственныхъ увеселеній, которыя бы могли услаждать нѣкоторыя минуты ихъ жизни, огорчаемой непріязненною судьбою!

Но ничто такъ не доказываетъ божественнаго происхожденія духа человѣческаго, какъ оная неудовлетворимость частными познаніями. Всякое относительное знаніе, одно по себѣ, есть суетно и имѣетъ только значеніе свое вмѣстѣ съ абсолютнымъ, внѣ котораго остается оное совершенно пустымъ.

Многіе предаются съ великою ревностію частнымъ Наукамъ, не возбуждаясь къ тому

пустыми формами ихъ предмѣтовъ, но усматривая въ оныхъ формахъ вѣчную и безпредѣльную сущность вещей. Они привлекаются къ любимой ими Наукѣ тѣмъ, что въ ней снаружи невидимо, а представляется только внутреннему воззрѣнію духа. Не имѣющіе таковаго воззрѣнія, хотя и могутъ нѣкоторое время заниматься съ пріятностію своими Науками; но достигши главной цѣли ихъ занятій, теряютъ привлекательность Науки, оставляютъ оную, и для избѣжанія скучной праздности, должны избирать другое упражненіе. Жизнь таковыхъ людей томна, заботлива, не имѣетъ возвышенныхъ порывовъ, ни мирнаго успокоенія; и сіе доказываетъ, сколь мало ихъ Науки могутъ поддерживать человѣка однѣми своими силами.

Различныя понятія особливыхъ Наукъ, не соединяющіяся въ общее познаніе міра, представляющее въ духѣ нашемъ Вселенную, не имѣетъ по себѣ важнаго значенія. Таковыя

понятія, сколько бы мы ни обогатились оными, не доставляютъ намъ существенной пользы; ибо онѣ, будучи только формальными, не касаются идеальной сущности вещей. Человѣческій духъ, происшедшій отъ вѣчнаго и безпредѣльнаго начала, стремится къ познанію онаго, не довольствуясь понятіями никакихъ другихъ предмѣтовъ. Посему человѣкъ, достигшій совершеннаго самосвѣденія, чувствуетъ необходимость въ Философіи, какъ Наукѣ, изъясняющей абсолютное начало всего существующаго. Онъ недоволенъ земною жизнію, а желаетъ водвориться въ небесное селеніе, котораго достигаетъ тогда только, когда изгнавъ изъ себя всѣ смертныя помышленія, остается въ присутствіи одного безсмертнаго существа.

Но таковое созерцаніе Божества доставляется человѣку собственною его дѣятельностью. Если бы Философія могла заставить каждаго пламенѣть на жертвенникѣ сего созерцанія; то бы она обращающемуся къ ней отворяла на

Землѣ храмъ Небесъ, въ которомъ бы, гонимый несчастными обстоятельствами, находилъ убѣжище свое! Но Философія не можетъ обладать человѣкомъ безъ собственной его воли. Она не открыта для каждаго; и желающій пользоваться ея пособіемъ, долженъ отыскивать оную. Доставляя единственное удовлетвореніе духу человѣческому, Философія всегда будетъ уважаема людьми, понимающими вліяніе оной на Науки и Искуства, на жизнь частныхъ людей и цѣлыхъ народовъ.

D. *Содержаніе Философіи къ Религіи.*

Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что Философія сходится наконецъ съ Религіею; хотя послѣдняя не содѣлываетъ оную излишнею. Религія покоитъ духъ человѣческій въ Богѣ; а Философія побуждаетъ оный къ снисканію Божіего присутствія на всякомъ мѣстѣ и во

всякое время; дабы вездѣ созерцать величіе Бога и наслаждаться его соприсносущностію! Философія столько-же свойственна человѣку, по отношенію его духа къ периферіи, сколько и Религія, по содержанію онаго къ центру вѣчной и безпредѣльной сферы жизни. Таже творческая сила, по которой небесныя периферическія тѣла текутъ вокругъ своихъ центровъ, движетъ духъ человѣческій по неизмѣримымъ путямъ его сферы; гдѣ онъ и можетъ только удовлетворять себя созерцаніемъ центра Абсолютной Сущности!

Безчисленные пути, на которыхъ проходитъ духъ человѣческій, суть особыя Науки. Но Философія объемлетъ все пространство оныхъ путей, и направляетъ теченіе духа къ источнику всего существованія. Люди, считающіе Философію поводомъ ко грѣху и безбожію, стараются истребить оную въ самомъ основаніи, не помышляя, что съ нею уничтожились бы и всѣ Науки, которыя не будучи оду-

цвѣлены Философіею, остались бы мертвыми, безъ всякаго слѣда жизни, истекающей изъ божественнаго источника оной.

Съ уничтоженіемъ Философіи, должны бы умереть и безмертныя дѣла великихъ Стихотворцевъ, Артистовъ, Натуралистовъ, Физиковъ, Математиковъ и другихъ геніевъ, занимающихъ человѣчество своими произведеніями, которыя безъ Философіи были бы суетны и не заключали бы въ себѣ ничего Божественнаго.

Науки не могутъ получить отъ Религіи того, что доставляетъ имъ Философія. Наукамъ нужно руководство на извилистыхъ путяхъ умозрѣнія; а Религія, какъ внутренняя принадлежность сердца человѣческаго, успокоиваетъ только и согрѣваетъ оное. Желающіе употребить Религію вмѣсто, изгоняемой ими, Философіи, теряютъ первую и не обрѣтаютъ послѣдней. Для ученыхъ изслѣдованій, люди должны предаться сужденіямъ разума; гдѣ

они, терзаемы мучительными сомнѣніями, не найдутъ своего успокоенія. Изгнанная ими Философія, оставляетъ ихъ навсегда; и они, не озаряясь ея свѣтомъ, блуждаютъ во тьмѣ невѣдѣнія, при смятеніи ихъ духа!

Философія нетокмо не противуположена Религіи, но обѣ, по ихъ сущности, суть одно и тоже; и предмѣтъ обѣихъ есть вѣчное и и безпредѣльное начало міра, излагаемое въ Философіи только другимъ способомъ и другими изрѣченіями.

Нѣкоторые обвиняютъ Философію въ религіозномъ фанатизмѣ. Таковые, обманувшись ложнымъ просвѣщеніемъ, думаютъ оказать важную услугу человѣчеству тѣмъ, когда они изгонятъ изъ духа человѣческаго всякое положительное, глубокое и неизслѣдуемое знаніе, и водворятъ въ оный одно мечтательное свѣдѣніе суетныхъ происшествій міра! Сіи мечтатели, будучи противниками истинной Фи-

лософіи, употребляютъ ея имя въ доказательство своего ученія, называемаго ими философическимъ. Но таковое ученіе могутъ считать происходящимъ отъ Философіи тѣ только, коимъ Философія вовсе неизвѣстна.

Ежели бы изъ двухъ золъ нужно избирать меньшее; то суевѣріе должно бы предпочесть невѣрію, которое, вмѣсто лестнѣйшихъ надеждъ и вожделѣннѣйшихъ чувствованій, предлагаетъ только суету мірскую, и въ земной жизни не видя ничего небеснаго, поставляетъ высочайшимъ совершенствомъ одну смѣтливость и способность въ распоряженіи житейскими обстоятельствами! Но суевѣріе вредно также человѣчеству своею нетерпимостію, угнѣтающею духъ истинной Религіи.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Вліяніе Философіи на Государство.

Обыкновенная теорія общественной организаціи нынѣшнихъ временъ весьма неособразна великости и силѣ человѣческой жизни, представленной въ Исторіи древнихъ народовъ. По оной народъ не имѣетъ теперь юношеской лѣпоты и бодрости. — Въ немъ не видно той внутренней силы, съ которою онъ возникъ изъ ночи прошедшихъ временъ въ настоящій день его бытія, ни той постепенности, съ какою онъ развился въ теченіе вѣковъ, ни тѣхъ безчисленныхъ формъ жизненнаго въ немъ образованія, ни того удивительнаго совмѣстія воли съ принужденностію въ органическомъ его устройствѣ. Внутренняя цѣлость общественнаго организма раздѣлена на части, соединенныя только снаружи

механическимъ образомъ, наподобіе искусственной машины!

Однако Государство, по своей сущности, не есть машина, изобрѣтенная произвольнымъ вымысломъ, но какъ представленіе высочайшей идеи человѣчества, произошло изъ внутренней, душевной организаціи народа; и совершенное развитіе онаго составляетъ цѣль всей Исторіи. Идеальный организмъ Государства находится уже предобразованнымъ въ Природѣ, которой произведенія показываются въ совершенныхъ видахъ, по развитіи ихъ началъ, сокрытыхъ въ ея утробѣ. Такимъ-же образомъ и Государство достигаетъ своего совершенства, по формальномъ образованіи всѣхъ его идей, представляемыхъ народными обществами. Но какъ предшедшія формы естественныхъ произведеній были другія, и происходили по другимъ законамъ, нежели образовавшіяся въ послѣдствіи: такъ и постановленія Государства должны измѣняться и усо-

зарнеться по мѣрѣ большаго развитія его организма.

Науки, относящіяся непосредственно къ общественной пользѣ народа, должны быть введены прежде Философіи, въ которой не каждый человѣкъ участвовать можетъ. Но Философія необходима въ Государствѣ потому, что она показываетъ высочайшія идеи націи, которая чрезъ то болѣе облагороживается и производитъ важнѣйшіе плоды своихъ дѣяній. Посему господствующій нравъ и преимущественные поступки народа зависятъ отъ большаго или меньшаго вліянія Философіи на образованіе людей.

Ежели частный человѣкъ, не расположенный къ дальнѣйшему познанію міра и къ изслѣдованію его таинствъ, можетъ обойтись безъ Философіи; то цѣлый народъ, не имѣющій у себя Философіи, или не желающій имѣть оной, подлежитъ крайнему стыду. Народъ долженъ представлять идею жизни въ нра-

вомъ и совершеннѣйшемъ ея образованіи. Но жизнь, не имѣющая главнѣйшей идеальной принадлежности есть самая бѣдная, пребываетъ въ однѣхъ тѣлесныхъ формахъ, и неспособна къ высшимъ душевнымъ пареніямъ!

Каждому народу нужно имѣть своихъ Философовъ, которые бы хранили священный огонь на олтарѣ умственнаго храма, коимъ бы могли согрѣваться охладѣвшіе, и отъ коего бы зажигались свѣтильники у людей, имѣющихъ оные. Одушевляясь симъ огнемъ, народъ можетъ возрастать и процвѣтать въ теченіе многихъ вѣковъ. Греки освѣщались и согрѣвались долгое время огнемъ Платоновой Философіи; когда другіе народы, не имѣвшіе онаго, оставались хладными и темными!

Изъ всѣхъ обстоятельствъ, споспѣшествующихъ пользѣ и благосостоянію Государства, наиболѣе важно есть то, которымъ возбуждается самое начало общественной жизни, и

увеличивается сила оной. Таковое обстоятельство происходитъ только отъ Философіи, водворяющей общій духъ между гражданами, и совокупляющей ихъ въ одно тѣло, которое тогда только совершеннымъ назвать можно, когда одна воля управляетъ онымъ; и когда воля каждаго гражданина, не по внѣшнему только принужденію, но по внутренней любви и свободѣ, согласуется съ волею Монарха. Философія споспѣшествуетъ славѣ и величію Государствъ, и доставляетъ имъ крѣпкую опору чрезъ то, что частнаго человѣка выводитъ изъ эгоизма и поселяетъ его въ кругѣ общественной жизни.

Богатство служитъ сильнымъ пособіемъ къ составленію, и важнымъ средствомъ къ поддержанію народныхъ обществъ: но истинное величіе народовъ не основано на богатствѣ, а на возвышенности духа, способнаго къ великимъ предпріятіямъ, и на твердости характера, готоваго ко всѣмъ пожертвованіямъ. На-

родъ, не имѣющій сихъ качествъ, не можетъ достигнуть высокой степени славы и могущества.

Сила Государства проистекаетъ отъ ненарушимой святости Религіи, и зависитъ отъ цвѣтущаго состоянія Искуствъ и Наукъ, занимающихъ идеи человѣческія. Не механическій оплотъ и не горделивые намѣты составляютъ твердыню Государства, но дѣятельность идей, возбужденыхъ и распростертыхъ въ народѣ, охраняетъ оное отъ внѣшнихъ покушеній и внутреннихъ нарушеній. Великіе народы суть токмо тѣ, въ коихъ сіяетъ небесный лучъ мудрости, произведенный идеями, безъ которыхъ жизнь народа остается въ дикомъ неистовствѣ, и истребляется сама собою!

Нація не должна быть равнодушна къ Философіи и считать оную пустою Наукою; поелику она доставляетъ ей существенную пользу. Ежели бы Философія была господствую-

щею между людьми; то бы она могла извести родъ человѣческій изъ плачевной сей юдоли, и поселить его опять въ божественный Эдемъ!

Философія не состоитъ въ суетномъ умствованіи, какъ утверждаютъ тѣ, кои имѣютъ поверхностное только понятіе о жизненныхъ происшествіяхъ; но она приводитъ человѣка къ начальному источнику его существованія, и ввѣрившемуся ей, показываетъ несмѣтныя сокровища жизни.

При механическомъ способѣ управленія, гдѣ граждане побуждаются къ службѣ тщеславіемъ, корыстолюбіемъ, либо однимъ принужденіемъ, Государство, хотя и долгое время состоять можетъ, однако всегда расположено къ паденію. Прочное и незыблимое состояніе Государства можетъ только быть основано на добродѣтели и безкорыстіи; гдѣ бы эгоизмъ не участвовалъ съ лицемѣрною его услугою!

Въ наши любостяжательныя времена, когда деньги составляютъ главную пружину всѣхъ государственныхъ операцій, послѣднюю цѣль общественныхъ усилій полагаютъ въ богатствѣ, которое считается величайшимъ счастіемъ для Государства. По таковому предположенію, всѣ граждане должны бы заниматься преимущественно тѣмъ, что́ споспѣшествуетъ къ умноженію народнаго богатства. Но богатство служитъ только къ развитію вещественной силы Государства, котораго высочайшее благо состоитъ въ совершеннѣйшемъ образованіи идеальнаго могущества.

Предпріимчивость торговли для Государства благотворительна; когда безчисленные корабли, преплывая всѣ моря, доставляютъ ему сокровища изъ всѣхъ странъ Свѣта. Но гораздо благодѣтельнѣе суть великія идеи, проницающія всѣ классы народа, котораго духъ, возвышаясь оными, ободряется къ плаванію по неизмѣримому океану душевнаго міра; гдѣ

всегда можно дѣлать новыя открытія, и распространять предѣлы земнаго существованія. Таковое состояніе народнаго духа доставляетъ Государству истинное могущество и непреоборимую силу.

Умственное знаніе, образуясь въ тишинѣ и въ отдаленности отъ бурнаго міра, вливается непримѣтно въ жизнь народа; гдѣ возникаетъ оно безъ всякаго шуму, и сооружаетъ для него такую неполинскую крѣпость, предъ которою сокрушаются всѣ адскія нападенія! Исторія показываетъ: что люди, образованные въ идеальныхъ познаніяхъ, отличались величайшею доблестію и совершеннѣйшимъ превосходствомъ ихъ жизни.

Ежели бы владычество идей содѣлалось общимъ, то бы чрезъ то рѣшилась важнѣйшая задача Государственнаго Управленія; и Правительство облегчилось бы отъ тяжкаго бремени. Тогда бы управлять легко; и однимъ закономъ все бы приводилось въ по-

рядокъ. Но при развратѣ и повсюдной вкоренѣлости зла, гдѣ поступки частныхъ людей не направлены къ общей цѣли, и всякъ дѣйствуетъ только по собственнымъ своимъ видамъ и неистовымъ вожделѣніямъ, благое и справедливое управленіе составляетъ труднѣйшую задачу. Поелику Правительство, въ исполненіи своихъ намѣреній, на добрую волю частныхъ людей положиться не можетъ; то оно принуждено нерѣдко изобрѣтать средства къ искоренѣнію злоупотребленій, и однѣмъ страстямъ противупоставлять другія; дабы онѣ, ограничиваясь взаимно, содержались въ равновѣсіи, и всѣ противуположныя дѣйствія стекались къ одному послѣдствію; и дабы предотвратить всякое неудобство, должно предугадывать всѣ, могущія быть, происшествія. Но всѣ предостерегательные способы сопряжены съ чрезвычайною трудностію; поелику обстоятельства, къ тому относящіяся, неисчислимы и перемѣнчивы. Для сего должны быть постановлены строжайшія мѣры, требующія много

времени, и такихъ напряженій въ бдительномъ надзорѣ, что наконецъ не достанетъ силъ къ выполненію оныхъ! Сколько заботъ, на прим. потребно Правительству, дабы предохранить себя отъ ухищреній, обмановъ, воровства и грабительства собственныхъ его чиновниковъ? Поелику хищности и другихъ низкихъ страстей истребить нигдѣ не возможно, то по крайней мѣрѣ, нужно содержать оныя въ коализіи; дабы онѣ, дѣйствуя между собою противно, наблюдали однѣ за другими.

Мудрые Законодатели много размышляли о политическихъ способахъ, и пытались сдѣлать общественныя учрежденія совершенными, — что́ однако никогда не удавалось по ихъ желанію. Умнѣйшія постановленія не могли отвратить злоупотребленій. Цѣлые народы собирались для совѣщанія: какимъ бы образомъ основать и упрочить ихъ счастіе; но страсти людей разрушали превосходнѣй-

шее зданіе, прорывали крѣпчайшія плотины и уничтожали мудрѣйшія постановленія. Въ насильственномъ управленіи все зло приписывають угнѣтенію; но и по отдаленіи всякаго угнѣтенія, состояніе народа не улучшается!

Люди всегда дѣлали подкопы сами себѣ. Обыкновенно вопіють противъ деспотизма тѣ, кои сами деспотствуютъ въ своихъ домахъ, надъ ихъ служителями, подчиненными, дѣтьми, родственниками, и даже надъ своими женами и матерями. Жалуясь на притѣсненіе и тиранство, сами тиранятъ своихъ собратій, разрушаютъ все противное имъ, не терпятъ никакихъ прекословій, навязываютъ всѣмъ мнѣніе свое и угнѣтаютъ, кого только могутъ. Таковые злобствуютъ на измѣнническіе поступки другихъ, будучи сами готовы ко всякому предательству — лишь бы только могли удовлетворить чрезъ то своему тщеславію, честолюбію и гордости! Изслѣдывайте вопервыхъ самихъ себя и другихъ людей; и вы

увидите, что собственный корень тиранства находится въ общемъ неистовствѣ! Исторгните оный у себя и у другихъ; и тогда будете наслаждаться свободою! Если бы всѣ люди были таковы, каковыми быть должны; то бы они при всякомъ управленіи жили счастливо.

Если бы благо народовъ можно составить на бумагѣ; то они давно бы наслаждались величайшимъ счастіемъ. Но непрочность всѣхъ учрежденій, и несовершенство всѣхъ постановленій и законовъ показываютъ: что спасеніе людей не можетъ быть произведено политическимъ искуствомъ, котораго всякое устройство измѣняется и проходитъ. Тщетно хотятъ утвердить Государственное зданіе одною политическою механикою, — таковое предположеніе никогда не достигнетъ своей цѣли!

Совершенство Государства не основано на хитромъ политическомъ сплетеніи, но на общемъ водвореніи идей между людьми, на вла-

дычествѣ ума и свѣта надъ невѣжествомъ и тьмою, на божественномъ союзѣ любви, которыя только и могутъ возвратить, ушедшій отъ насъ, златой вѣкъ жизни. При обладаніи божественнаго начала, появляющееся зло легко укротимо быть можетъ; и люди останутся безопасны въ царствѣ мира и блаженства!

Религія есть душа совершеннаго Государства. Но какъ душа одушевляетъ все тѣло, такъ и Религія должна оживотворять каждаго человѣка. Посему здѣсь разумѣется не одна внѣшняя форма Религіи, но внутренняя сущность оной, которая бы, подобно Солнцу, освѣщала и согрѣвала всѣхъ людей, возводила ихъ къ Богу, и вселяла въ каждомъ добродѣтель и блаженство.

Но Религія, какъ выше сказано, есть успокоеніе человѣка въ Богѣ, не касающееся безчисленныхъ обстоятельствъ мирской его жизни,

произведенныхъ безконечными движеніями духа человѣческаго, которыхъ периферическая область и центральное стеченіе составляютъ предмѣтъ Философіи. И ежели Науки суть необходимая принадлежность жизни народа; то и Философія есть существенный элементъ оной.

Для управленія народомъ, мудрое Правительство употребляетъ силу ума, который избавляетъ оное отъ излишнихъ заботъ. Посему въ благоустроенномъ Государствѣ стараются всѣми способами образовать духъ народа. Просвѣщенные люди не имѣютъ надобности во внѣшнихъ наставленіяхъ, и безъ всякихъ понужденій ведутъ себя добропорядочно.

Правящимъ государственными дѣлами, Философія необходима. Одинъ практическій навыкъ здѣсь безсиленъ; и для управленія Государствомъ механическое искуство не довлѣетъ, а потребны къ тому умственные взгляды.

Истинныя начала государственнаго управленія, законодательства и воспитанія происходятъ только отъ идей, которыми производится все великое и значительное въ общественномъ мірѣ, и которыя показываетъ намъ геній Философіи во всемъ могуществѣ и превосходствѣ оныхъ. Высочайшее произведеніе ума человѣческаго есть благоустроенное Государство, въ которомъ Философія излагаетъ прекраснѣйшій ея идеалъ, и гдѣ сама она возрастаетъ и образуется дѣйствительною: Она приноситъ ему въ даръ безцѣнное свое сокровище; и Государство, пріемлющее таковую жертву съ любовію, можетъ быть совершенно увѣреннымъ въ его благоденствіи!

Не суетное искуство ознаменовало Законодателей древнихъ народовъ. *Миносы*, *Ликурги*, *Солоны*, *Харонды*, *Зелевки* основывали величіе ихъ націи не на политическомъ механизмѣ, но на идеяхъ, которыя обладали ими и изложены въ ихъ твореніяхъ. По-

куда идеи сіи господствовали въ Греческомъ Народѣ, оставался онъ непреодолимъ; но съ удаленіемъ идей прошло и цвѣтущее состояніе Народа. Такъ было, и тако сбудется во всѣ времена и со всѣми народами! Греція произвела величайшихъ Философовъ своего времени; и за то была великою въ политической жизни.

Величайшіе Государственные Люди, и величайшіе Полководцы древнихъ временъ образовались чрезъ Философію, и доказали собою важное вліяніе оной на жизнь народовъ. Цѣль Философіи находится такъ высоко, что весьма не многимъ она видима; и для обыкновенныхъ взоровъ кажется не имѣетъ никакого отношенія къ національной жизни. Но сія цѣль, будучи въ центрѣ общаго круга существованія людей, относится ко всѣмъ сторонамъ периферіи; посему достигшіе оной, одушевляются при всѣхъ своихъ занятіяхъ и во всякомъ состояніи. Не хитрость, не предо-

сторожность и не особливая способность великихъ мужей въ древности были предметомъ общаго удивленія, но возвышенный характеръ ихъ духа, просходившій единственно отъ идей, которыя отъ насъ удалены, — хотя мы считаемъ себя шагнувшими далеко въ область просвѣщенія!

Какъ бѣдно сужденіе нашего времени, разсматривающее общественныя учрежденія древнихъ по нынѣшнимъ ограниченнымъ видамъ! Съ гордымъ предубѣжденіемъ признаютъ теперь знаніе древнихъ за глубокое невѣденіе; и понятія ихъ о мірѣ, относительно къ нашимъ свѣденіямъ, считаютъ дѣтскими! Но хотя древніе народы не имѣли ни пароходовъ, ни телескоповъ, ни мануфактурныхъ ткацскихъ станковъ, ни типографическихъ машинъ, ни химико-техническихъ произведеній, ни механическихъ изобрѣтеній, которыя цѣнимъ мы столь высоко; однако въ идеальныхъ соображеніяхъ, они превосходили насъ несрав-

ненно. При всей нашей культурѣ, общественная жизнь въ нынѣшнія времена, такъ малозначительна противъ публичной жизни древнихъ, какъ песчинка противъ кристаллической глыбы! Каждый живетъ теперь въ одномъ тѣсномъ кругѣ своихъ упражненій, и заботится только о томъ, что доставляетъ ему прибыль или удовольствіе. По соотношенію однихъ съ другими, всѣ соединены между собою извнѣ механическимъ образомъ, безъ внутренней связи, происходящей отъ идеи всеобщей жизни; и хотя каждый находится въ составѣ отечества, однако цѣлость состава не заключается въ каждомъ членѣ общества. Немногіе чувствуютъ цѣну и важность умственныхъ идей, объемлющихъ внутреннюю сущность предмѣтовъ; но тѣмъ большее число слѣдуетъ понятіямъ разума, касающимся однѣхъ внѣшнихъ формъ. Посему у насъ столько великихъ мастеровъ для малыхъ дѣлъ, производимыхъ въ гражданской промышленности, въ Искуствахъ и въ Наукахъ!

Съ невѣроятнымъ тщаніемъ разбираемъ мы до мѣлчайшей тонкости всякую встрѣчающуюся малость, но не смѣемъ возвысить нашего взора къ величію общей жизни, въ безпредѣльномъ и вѣчномъ ея началѣ! Въ семъ отношеніи мы содержимся къ древнимъ такъ, какъ пигмеи къ великанамъ; хотя они въ нашихъ Искуствахъ едва ли были столько свѣдущи и опытны, сколько наши дѣти. Во всей ихъ Исторіи является нѣчто возвышенное: въ ихъ изрѣченіяхъ, дѣяніяхъ, произведеніяхъ видны великія идеи, облеченныя только въ дѣтскую простоту. Поэтому древніе понимали внутреннюю сущность вещей, но не умѣли представить оную въ наружной формѣ. Напротивъ того, мы представляемъ однѣ внѣшнія формы, не понимая внутренней сущности. Все устроено у насъ на пружинахъ и въ точной соразмѣрности; но сколько этикеты жизненныхъ нашихъ обстоятельствъ кажутся пышными, столько самая жизнь нахо-

дится скудною! Чѣмъ величавѣе наружный видъ нашихъ дѣяній, тѣмъ болѣе онѣ пусты во внутреннемъ ихъ содержаніи. Одно искусство, казаться предъ другими достойнымъ, дѣлаетъ людей важными; но истинное достоинство является рѣдко, и не многіе узнаютъ оное!

И въ нашей Исторіи находятся важныя происшествія; но которыя возбуждаютъ удивленіе вещественною массою, а не идеальнымъ свойствомъ духа. Мы живемъ въ обществѣ такъ, какъ песчаныя зерна лежатъ въ песчаной кучѣ — не соединяемся внутренно одни съ другими, но стекаемся только во внѣшнее соприкосновеніе; гдѣ никакой членъ не участвуетъ собственно въ общественной цѣлости. Посему каждый, заботясь только о себѣ, старается составить свое благо на счетъ общаго, расхищаемаго всѣми частными членами, которые, при истощеніи общественнаго состава, остаются сами въ крайнемъ изнуреніи!

Въ Наукахъ, все наше знаніе стараемся мы расположить въ отдѣленія и параграфы,— изъ которыхъ однако жизнь не происходитъ, ибо струи жизненнаго изліянія неопредѣлительны и неограничены. Тщетно усиливаемся мы заключить содержаніе жизни въ наши компендіи, раздѣлить цѣлость оной на части, и подчинить ея ходъ маѳематическимъ формуламъ!

Обозрѣвая и разбирая однѣ внѣшнія формы жизни, никогда мы не увидимъ внутренней ея сущности; и кто разсматриваетъ только жизненныя явленія въ Природѣ, того самаго жизнь состоитъ въ однихъ привидѣніяхъ. Не силлогизмами образуются высокіе умы, и не школьными компендіями возбуждается духъ человѣческій къ великимъ дѣяніямъ, но собственною идеею Философіи, которая возводитъ человѣка изъ мрачной юдоли ночныхъ привидѣній, въ свѣтлую область дневныхъ происшествій.

Духу, угнѣтенному бѣдственными обстоятельствами, трудно возвыситься въ превыспренняя. Мысли, чувствованія и желанія, возбуждаемыя обыкновенными происшествіями, равно какъ грубые предразсудки и суровая привычка, погружаютъ насъ въ глубокій мракъ, гдѣ мы видимъ только ближайшіе предмѣты, и будучи темны и малодушны, не можемъ возводить нашего взора къ высшимъ сферамъ. Повседневныя дѣла, занимая насъ совершенно, удерживаютъ отъ возвышеннѣйшихъ размышленій, къ которымъ духъ нашъ напрягается рѣдко, въ слабыхъ и непродолжительныхъ порывахъ. Не многіе могутъ устремлять безпрерывно взоръ свой въ горняя. Таковыхъ счастливое свойство превозмогаетъ всякое угнѣтеніе; и по сильному стремленію ихъ къ Богу, открытъ имъ всегдашній путь изъ темной области въ царство свѣта. Благо тому народу, у котораго обрѣтается много таковыхъ созерцателей!

Ежели Правители, пекущіеся о благѣ народа, для споспѣшествованія его счастію, заводятъ въ немъ иностранныя фабрики, мануфактуры и дорогія мащины, ободряютъ земледѣліе, торговлю, промышленность и покровительствуютъ полезныя Искуства и Науки; то и Философія не должна оставаться для нихъ чуждою. Она есть величайшая изъ всѣхъ Наукъ, въ которой единственно духъ человѣческій можетъ найти удовлетвореніе свое! Понимающіе значеніе Философіи, не почтутъ оную пустою спекулаціею, совращающею здравый смыслъ человѣка, и отвлекающею его отъ полезныхъ занятій. Земледѣліе, промышленность, торговля и множество уважаемыхъ Наукъ, не составляютъ еще высочайшихъ степеней совершенства, къ которымъ только человѣкъ взойти можетъ. Народа опредѣленнымъ масштабомъ измѣрять не должно; поелику о народныхъ потребностяхъ не можно судить по надобности одного человѣка.

Потребности народа неисчислимы; равно какъ и представляемая имъ, идея безпредѣльна.

Многіе привязаны къ одному, любимому ими, образцу, по которому они, какъ самихъ себя формируютъ, такъ и другихъ хотятъ привести въ одинакое съ ними устройство. Но жизнь человѣческая образуется въ людяхъ безконечно различною. Какъ звѣзды на разныхъ пунктахъ горизонта восходятъ въ многоразличныхъ кругахъ; и однѣ, возвысившись немного, скоро клонятся къ низу, другія достигаютъ до высотъ небесныхъ, а нѣкоторыя показываются въ срединѣ между обѣими: такимъ образомъ и люди возникаютъ изъ ночи прошедшихъ временъ въ настоящій день ихъ бытія, въ разныхъ и противуположныхъ пунктахъ жизненнаго горизонта. Одни идутъ на путяхъ, прилежащихъ самому долу, другіе устремляются къ небесамъ; нѣкоторые шествуютъ медленно, а иные спѣшатъ съ быстротою; одни бродятъ по Свѣту во всѣхъ направленіяхъ, а другіе остаются недвижимы подобно камнямъ, на

которыхъ упираются многія тяжести; нѣкоторые, восходя вверхъ, силятся достигнуть высочайшаго пункта, а другіе, пресмыкаясь внизу, роются глубже въ своихъ норахъ; одни сіяютъ наподобіе Солнца, другіе издаютъ только померклый свѣтъ, а нѣкоторые пребываютъ вовсе темными!

Въ безпредѣльномъ Универсѣ каждый человѣкъ занимаетъ извѣстную часть, гдѣ онъ живетъ, какъ въ собственномъ мірѣ; но всѣ только совмѣстно, по безконечному различію ихъ движеній, могутъ наполнять селеніе жизни, представляемое Государствомъ, гдѣ возможная сущность духа человѣческаго образуется въ дѣйствительныхъ формахъ.. Посему всѣ оныя движенія въ Государствѣ должны быть нетокмо терпимы, но всѣми мѣрами споспѣшествуемы; и тѣ только уничтожать нужно, кои причиняютъ разрушеніе. Одно малодушіе, по мелкимъ своимъ видамъ, усѣкаетъ въ немъ изящныя отрасли духа, и натуральную его вегетацію дѣлаетъ уродливою!

Одному кому-либо можетъ показаться излишнимъ и безполезнымъ то, что другимъ весьма полезно и нужно. Всякъ цѣнитъ наиболѣе тѣ вещи, которыя относятся наипаче къ предмѣту его занятій. Купецъ, воинъ, мирный гражданинъ, хлѣбопашецъ, мореплаватель, судятъ различно о вещахъ и житейскихъ принадлежностяхъ. Ученый, занимающійся только въ своей камерѣ, при огромномъ запасѣ мысленныхъ его сокровищъ, зритъ въ оныхъ одного себя; но разсматривающій различные народы и отдѣльныя страны, видитъ житейскія происшествія цѣлыхъ обществъ. Первый, будучи покоенъ, располагаетъ передъ собою предмѣты ученаго изслѣдованія, и питаетъ оными духъ свой; а вторый, находясь въ пучинѣ общественной жизни, уносится струями безпредѣльнаго ея теченія. Первый сообщается съ другими только посредствомъ Наукъ, а вторый влечется непосредственно къ центру общественной сферы; и какъ одинъ довольствуется только ученымъ образованіемъ

самаго себя, такъ другой удовлетворяетъ своему желанію дѣйствительнымъ сообщеніемъ публикѣ ученыхъ своихъ занятій и произведеній. Правительственные Чиновники, Служители Олтаря, Ученые, Художники и Ремесленники имѣютъ различные предмѣты своихъ занятій; но всѣ они принадлежатъ къ составу одного Государственнаго Общества, которое должно покровительствовать каждаго члена, безъ предосудительнаго пристрастія къ какому-либо сословію.

На однѣ потребности бо́льшаго числа людей всего вниманія обращать не должно; поелику важнѣйшія потребности народа и возвышеннѣйшія мысли онаго, представляются у немногихъ, которые, не довольствуясь обыкновенными свѣденіями, чувствуютъ въ себѣ побужденіе къ высшему знанію. Таковые заслуживаютъ особенное уваженіе Правительства; хотя бы не доставляли они непосредственныхъ выгодъ, и не вознаграждали оказанныхъ

имъ пожертвованій. Между ними можетъ находиться представитель славы цѣлаго народа въ храмѣ умственнаго безсмертія, — каковый превосходитъ всякую цѣну издержекъ, употребленныхъ для образованія великаго духа, составляющаго вѣчное украшеніе своей націи. Въ цвѣтущее время Грековъ, *Платонъ* стоилъ болѣе, нежели всѣ ихъ сокровища вмѣстѣ съ завоеванными провинціями. Пало могущество Греціи, изчезло ея величіе, а идеальныя произведенія *Платона* остаются неувядаемы!

Дабы народъ имѣлъ своихъ Платоновъ, нужно отдавать достоинству Философіи всю справедливость. Никогда не произойдутъ Философы въ томъ народѣ, гдѣ простоученые на всѣхъ своихъ соборыщахъ оглашаютъ Философію безполезною, и даже вредною, прославляютъ златую посредственность въ знаніи, заставляютъ юношество образоваться только по тѣмъ формуламъ, которыя считаютъ они

способными къ ихъ Наукамъ, или полезными для другихъ промысловъ. Таковые позволяютъ духу юношей восходить только до предѣловъ разума, и препятствуютъ возвышаться въ безпредѣльную область ума!

Нѣкоторые утверждаютъ: что нація должна имѣть извѣстное благосостояніе прежде, нежели можетъ идти къ дальнѣйшему усовершенствованію; ибо высшее развитіе основывается на большей независимости, доставляемой благосостояніемъ. Но все, споспѣшествующее къ образованію характера націи, не можетъ быть предускорительно; и что можно употребить въ дѣтствѣ, того на будущее время откладывать не слѣдуетъ. Развѣ націю тогда только облагородить можно, когда оная возросла въ не благородномъ состояніи? Философію и небогатые понимать могутъ; и дабы нація имѣла своихъ Философовъ, нужно чтобы многіе занимались сею Наукою. Ежели нѣкоторые не постигнутъ оной, то другіе замѣнятъ ихъ своими успѣхами; но при ма-

ломъ числѣ учащихся случиться можетъ, что никто изъ нихъ не достигнетъ своей цѣли. При осадѣ крѣпости, многіе падаютъ на приступѣ, но другіе берутъ оную; а посему нужно достаточное число осаждающихъ.

Человѣкъ въ ревности своей къ чему-либо, поощряется необыкновенно, видя другихъ къ тому соревнователей; и общее предпріятіе имѣетъ чрезвычайную силу на участвующихъ въ ономъ. Всякъ, возбуждаясь общимъ одушевленіемъ, стремится неукоснительно къ предположенной цѣли. Но какое уныніе происходитъ въ дѣйствующемъ, когда онъ видитъ, что сообщники его, ослабѣвающіе въ силахъ и охладѣвающіе въ ревности, оставляютъ его одного шествовать на пути подвиговъ!

Другіе Ученые побуждаются въ ихъ усиліи вѣрною надеждою къ полученію знатныхъ выгодъ, и поощряются множествомъ сообщниковъ, ободряемыхъ тою-же надежою. Но Философъ, успѣвающій въ своей Наукѣ, не

можетъ имѣть отъ своихъ соотчичей такого одобренія, какое онъ чувствуетъ въ самомъ себѣ; и то, что онъ признаетъ весьма важнымъ, другіе считаютъ ничего не значущимъ. Посему Философъ, изнемогающій въ своихъ усиліяхъ, не имѣетъ утѣшительной мысли, видѣть труды свои, увѣнчанными честію отъ его согражданъ, и не можетъ воспользоваться сильнѣйшимъ побужденіемъ, облегчающимъ величайшія трудности! Привлекательность истины такъ велика, что понимающихъ оную, никакія препятствія отвратить отъ ней не могутъ. Но таковыхъ находится мало; и хотя нѣкоторые, не смотря на всѣ помѣшательства, занимаются Философіею, однако занятія сіи должны быть скрытны и уединенны. Показавшіеся публично, встрѣчаютъ наиболѣе враждебныхъ нападеній; и не многіе только, благорасположенные къ нимъ, изъявляютъ о нихъ сожалѣніе свое: что они, будучи добрые и дѣловые люди, вдаются въ безполезную головоломню, погубляющую ихъ время!

На простой народъ Философъ не обращаетъ никакого вниманія; но предосудительное о немъ мнѣніе образованныхъ людей, ему непріятно. Одни считаютъ его вреднымъ, а другіе безполезнымъ; но сужденіе ихъ основано на суетномъ предубѣжденіи!

Признающіе ненужнымъ заведеніе и распространеніе Философіи въ Государствѣ, и старающіеся заградить въ оное входъ всякому высшему знанію, должны бы подумать, что они, предотвращая мнимое зло, водворяютъ въ обществѣ настоящее злополучіе! Поелику стремленіе къ познанію міра въ духѣ человѣческомъ уничтожено быть не можетъ; то когда истинные Философы принуждены будутъ умолкнуть, или вовсе изгонятъ ихъ изъ общества, появятся на мѣсто ихъ ложные Философы, люди безъ предуготовленія, дальнѣйшаго познанія и высшаго вдохновенія. Таковые, подъ высокимъ именемъ Философіи, будутъ выдавать обыкновенныя, мелкія ихъ

свѣденія, которыя покроютъ народъ непроницаемымъ мракомъ, лишатъ его познанія Природы, а съ онымъ всего священнаго и божественнаго, и вмѣсто истиннаго просвѣщенія, распространятъ между людями тьму невѣденія!

Важнѣйшія дѣла воспитанія и просвѣщенія въ рукахъ профановъ, остаются испорченными и превратными. Ложные наставники проповѣдуютъ смѣло ученіе свое потому, что нѣтъ истинныхъ, которые бы показали волковъ, одѣтыхъ въ овечьи кожи! Таковаго неистовства силою законовъ и постановленій отвратить не можно. Оно скрыто подъ внѣшнею личиною, и тѣмъ болѣе распространяется, что люди всегда склонны дѣлать по своему произволу то, что́ возбраняетъ имъ законная власть. Зло сіе, усилившись втайнѣ, возстаетъ противъ самаго закона, полагающаго ему препоны, и уничтожаетъ оный. Превратность въ Наукахъ и познаніяхъ можетъ только быть исправлена ученымъ способомъ,

по силѣ ума; и никакая другая власть не въ состояніи искоренить оную. Ложное и поверхностное мудрованіе причиняетъ несмѣтныя опустошенія, удержаніемъ возвышеннаго порыва въ житейскихъ происшествіяхъ и учебныхъ образованіяхъ! Философія останется навсегда мелкою и зыбкою, покуда не утвердится на прочномъ основаніи.

Философія тогда только процвѣтаетъ и плоды приноситъ, когда оную воздѣлываютъ люди, имѣющіе натуральную способность къ ея культурѣ, и которые въ занятіи своемъ руководствуются чистою любовію, соотвѣтственною важности и достоинству предмѣта. Таковые должны возбуждаться священною ревностію, зависящею отъ посвященія ихъ въ таинства Философіи, произведеннаго собственнымъ вдохновеніемъ. Философія не есть предмѣтъ, которымъ бы можно заниматься вмѣстѣ съ многими другими, доставляющими прибыль. Она требуетъ совершеннаго безкоры-

стія и неограниченнаго пожертвованія въ пользу истины. Какъ храмилищу Святыни, нужны ей Жрецы, посвятившіеся въ ея таинства; а въ рукахъ профановъ, представляется она безобразною!

Чрезъ прилежное изученіе и здравыя чувства Философомъ содѣлаться не можно; и Философское знаніе пріобрѣтается неослабнымъ напряженіемъ духа, имѣющаго особливую къ тому способность, безъ которой нѣтъ возможности проникнуть въ таинственную внутренность Философіи. Нѣкоторыя внѣшнія формулы Философіи для всякаго понятны; но не каждому дано, постигнуть внутреннюю сущность оной, и разбирать тамъ письмена сокрытаго смысла глубочайшей мудрости. По сей причинѣ Философія искони подвержена крайней ненависти и злѣйшему нарѣканію многихъ. Ее обвиняли въ мистической мѣлочѣ въ гордости и высокомѣріи, упрекали ей въ, томъ, что она облекается таинственнымъ мра-

комъ, дабы лучше прикрыть свое ничтожество; и познаніе свое затрудняетъ для того, чтобы показываться важнѣйшею предъ народомъ. Обыкновенно думаютъ, что къ Философіи не нужно никакое предуготовленіе, и она должна быть приступна для всякаго. Но хотя многіе могутъ пользоваться внѣшнимъ ея произведеніемъ; однако внутреннее сокровище оной ввѣрено нѣкоторымъ только, имѣющимъ отъ Природы, потребную къ тому, силу и способность. Не каждому дано быть Поэтомъ, Артистомъ, Ораторомъ, Маѳематикомъ и проч. но для отличія въ Искуствахъ и Наукахъ, потребенъ особливый талантъ, который однако не всѣ признаютъ нужнымъ для Философіи; а посему всякъ считаетъ себя свѣдущимъ, и судитъ о такихъ предмѣтахъ, которые находятся внѣ сферы низшаго воззрѣнія!

Но ежели Философія заключаетъ въ себѣ высочайшую степень человѣческаго знанія; то само собою явствуетъ, что въ низшей обла-

сти свѣденій она не обрѣтается; и для достиженія къ ней нужно извѣстное возвышеніе. Философъ утверждаетъ справедливо: что точка его зрѣнія есть высочайшая; но тѣ несправедливы, которые считаютъ его за то высокомѣрнымъ. Онъ ни малѣйше не участвуетъ въ томъ высокомѣріи, по которому нѣкоторые люди, взошедши на высшую степень гражданской жизни, или находясь уже на оной по ихъ рожденію, смотрятъ съ презрѣніемъ на низшихъ себя. Столь низкая суета противна возвышенности его духа, который, отяготившись оною, долженъ бы непремѣнно упасть изъ своей высоты, и потерять свойственныя ему чувства! Гордый человѣкъ не можетъ достигнуть высокой цѣли Философіи; ибо ядъ гордости, заразившій его душу, съѣдаетъ всякую мысль, и возбуждая въ ней мѣлкія чувствованія, ослабляетъ напряженіе къ возвышенію оной.

Природа во всѣхъ ея произведеніяхъ учредила высшія и низшія степени образованія,

но не помѣстила въ оныхъ никакой гордости, которая произошла только отъ расторженія частнаго съ цѣлымъ, долженствующихъ по естественному закону пребывать совмѣстно. Всякое частное образованіе, будучи особымъ, существуетъ только въ общемъ; и ненарушимость частнаго зависитъ отъ совмѣстія его съ цѣлымъ. Всякое особое, какъ бы мѣлкимъ и малозначущимъ ни казалось, принадлежитъ сущности цѣлаго, въ которомъ имѣетъ оно неоцѣненное достоинство.

Такимъ-же образомъ всѣ люди, какъ частныя лица, существуютъ въ общемъ содержаніи цѣлаго человѣческаго рода. Какое бы различіе степеней, талантовъ и личныхъ качествъ между людьми ни было, всѣ они въ идеѣ человѣчества имѣютъ равное значеніе, и одинакое безпредѣльное достоинство; когда только каждый человѣкъ выполняетъ долгъ свой, опредѣленный ему Провидѣніемъ, не для возвышенія его надъ другими, но для гармо-

ническаго порядка въ общественной цѣлости. Богъ, для спасенія людей, постановилъ между ними чиноположеніе; но съ отпаденіемъ ихъ отъ Бога, произошелъ грѣхъ, породившій гордость!

Кто разсматриваетъ людей только порознь, и не можетъ понять ихъ въ идеѣ человѣчества, тотъ многоразличными явленіями въ жизни человѣческой долженъ приводиться въ замѣшательство, и признавать власть слѣпой судьбы, располагающей оною. Изъ душевныхъ способностей одного человѣка существенной одинакости всѣхъ людей вывесть не можно; и безконечное различіе ихъ формъ содѣлываетъ всякую гипотезу объ оной тщетною.

Ничто не можетъ болѣе увѣрить человѣка въ суетѣ и тщетности однихъ внѣшнихъ отношеній частной его жизни, какъ познаніе его сущности въ идеѣ человѣчества. Всѣ жизненныя

принадлежности ни въ какомъ одномъ человѣкѣ вмѣститься не могутъ; и рѣшеніе безконечной задачи жизни предоставлено совершить всему человѣческому роду, въ теченіе всего времени. Сіе понятіе можетъ успокоить человѣка въ его смятеніяхъ, и удовлетворить его недоумѣнію.

Хотя Философія, по высокимъ ея понятіямъ, непостижима для находящихся въ низшей области свѣденій; однако имѣетъ она великое вліяніе на жизнь цѣлыхъ народовъ и частныхъ лицъ. Дѣйствіе оной не ограничивается на однихъ, посвятившихся въ ея таинства, но простирается и на тѣхъ, коимъ философическое познаніе вовсе чуждо. — На таковыхъ дѣйствуетъ она посредствомъ другихъ, какъ на частные члены цѣлаго общества, подлежащаго непосредственному вліянію Философіи. Низшее проницается и управляется высшимъ, которое непроницаемо и необъемлемо для низшаго. Еслибы въ народѣ было важнымъ и значительнымъ только то, что́ каждый у себя

имѣть можетъ, то изящныя и высокія произведенія Искуствъ и Наукъ были бы для него совершенно чужды; и народъ долженъ бы довольствоваться только предмѣтами, необходимыми для одной физической жизни. По животнымъ принадлежностямъ, всѣ люди между собою сходны; но по человѣческимъ свойствамъ, различаются они безконечно.

Высокія идеи дѣйствуютъ на народъ посредствомъ тѣхъ людей, въ которыхъ онѣ водворены, и которые служатъ душею многимъ другимъ, не имѣющимъ оныхъ. Таковое дѣйствіе не происходитъ изъ школьной каѳедры, не участвующей непосредственно въ наставленіи простаго народа.

Въ общественной жизни, Философъ не долженъ говорить много о своей Наукѣ, которая, извиваясь по терновымъ ея путямъ, приводила бы только въ замѣшательство дѣтскую простоту народа. Рѣчь его къ народу должна произноситься его жизнію, изъ которой

бы явственно было каждому, что въ немъ обитаетъ и дѣйствуетъ божественный геній! Онъ не долженъ профанировать тщеславіемъ свое знаніе, а обязанъ сохранять оное въ чистотѣ для себя и для тѣхъ, которымъ оно понятно.

Положеніе Философа и Учителя Философіи не одинаково; и первый относится къ народу въ свойствѣ идеальнаго понятія, а вторый содержится въ качествѣ реальнаго свѣденія. Философъ дѣйствуетъ свободно, безъ опредѣленнаго ему устава; а Учитель Философіи обязанъ выполнять назначенную ему должность въ обществѣ.

Учитель Философіи долженъ представить обществу все изящное и важное, содержимое въ народѣ, и умственнымъ изложеніемъ споспѣшествовать дальнѣйшему развитію онаго. Посему индивидуальная его жизнь должна быть соединена съ общею жизнію народа, котораго мысли должны находиться во взаим-

номъ сношеніи съ его понятіями. Не имѣя дѣйствительнаго участія въ жизни народа, онъ останется для него чуждымъ пришельцемъ, не входящимъ въ составъ общественнаго организма.

Но Философъ долженъ имѣть въ виду одну истину, и поборствовать по ней всѣми силами. Любовь къ истинѣ должна быть единственнымъ его основаніемъ, за которую онъ долженъ переносить терпѣливо всѣ злые навѣты его противниковъ, не понимающихъ значенія ума и не могущихъ слѣдовать за нимъ въ высокомъ его пареніи, по ихъ слабости или упрямству. Придетъ время, когда тотъ самый народъ, у котораго онъ презрѣнъ и поруганъ, будетъ благоговѣть предъ олтаремъ вѣчной славы, принадлежащей безсмертнымъ его произведеніямъ!

Философія въ Государствѣ должна быть нетокмо терпима, но и публично изучаема; поелику она принадлежитъ существенно къ со-

ставу благоустроеннаго общества. Хотя не можно надѣяться, чтобы она, какъ собственная Наука, содѣлалась когда-либо всеобщею; однако ученіе оной весьма важно для жизни народа, котораго духъ она возбуждаетъ и поощряетъ къ высшимъ дѣяніямъ. Глубокая тайна Философіи для бо́льшаго числа людей останется навсегда сокрытою; но изъ ея святилища происходятъ безсмертные идеалы, которые хотя многимъ кажутся темными и непонятными, однако пробуждаютъ иногда самыхъ слабыхъ и немощныхъ отъ ихъ сна. Философія производитъ великія мысли, изъ которыхъ раждаются другія, и доставляетъ Наукамъ высокое достоинство во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Отъ ней происходитъ величіе духа въ народѣ, который чрезъ то и можетъ только произвести что-либо важное. Древніе Греки одолжены Философіи образованіемъ великихъ своихъ согражданъ. Посему она должна процвѣтать въ обществѣ; дабы могла приносить плоды умственнаго порожденія!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Философія, въ отношеніи къ частной жизни людей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Вліяніе Философіи на образъ жизни человѣческой.

О Коммерческой пользѣ Философіи и говорить не слѣдуетъ; ибо ежели прочія Науки не могутъ быть цѣнимы сравнительно съ недвижимымъ имѣніемъ или капиталомъ, приносящимъ вѣрный доходъ; то Философія наименѣе можетъ служить къ пріобрѣтенію богатства. Здѣсь надлежитъ показать: настоитъ ли въ Философіи относительная только надобность, по которой она можетъ быть и не быть, — или оная необходимо нужна для жизни человѣческой?

Излагая отношеніе Философіи къ жизни частныхъ людей, мы не утверждаемъ, чтобы сія Наука могла служить для коммерческой пользы, а намѣрены доказать неосновательность мнѣнія тѣхъ, кои думаютъ: что Философія не принадлежитъ существенно жизни человѣческой, и относится къ ней только по ея употребленію въ нѣкоторыхъ житейскихъ обстоятельствахъ.

Вліяніе Философіи на жизнь человѣческую не состоитъ во внѣшнемъ сношеніи, но во внутреннемъ соединеніи обѣихъ; гдѣ бы Философія, какъ понимаемый объектъ, и человѣкъ, какъ понимающій субъектъ, находились въ существенной одинакости. Философствующій человѣкъ, долженъ быть оживотворенъ идеею Философіи такъ, какъ художникъ одушевленъ идеаломъ, производимаго имъ, предмѣта. Вдохновенный Философіею, выходитъ изъ ограниченнаго круга чувственныхъ свѣденій, и возвышается въ безпредѣль-

ную сферу умственныхъ познаній. Таковый чувствуетъ, представляемую имъ, величественную, безконечную сущность ума, какъ идею Философіи, — полагаемой нѣкоторыми только въ простыхъ логическихъ сужденіяхъ.

Не понимающіе значенія Философіи, считаютъ содержаніе оной мертвымъ матеріяломъ, который скопляютъ они только въ ихъ памяти, и погребаютъ тамъ, какъ трупъ въ могилѣ. Таковые, хотя имѣютъ всегда въ готовности, собранный ими, матеріялъ, но который не можетъ служить имъ ни къ какому живому употребленію.

Философію не можно брать на откупъ, и пользоваться оною, какъ чужимъ имѣніемъ. Философъ долженъ имѣть оную своею собственностію, произведенною изъ самаго себя. Готовыя Системы, хотя и служатъ къ понятію Философіи; однако безъ собственнаго производительнаго дѣйствія, никто оною владѣть не можетъ.

Изъ сказаннаго явствуетъ неосновательность и крайнее легкомысліе тѣхъ, кои требуютъ отъ Философіи знаменія и чудесъ прежде, нежели они признаютъ въ ней истину. Таковые не вѣдаютъ, что знаменіе и чудеса оной видимы только для тѣхъ, кои носятъ въ себѣ философское сѣмя, развившееся уже до цвѣтущаго состоянія. Но въ комъ нѣтъ сего сѣмени, или кто заморилъ оное въ себѣ, тотъ не можетъ видѣть никакого произведенія Философіи, и долженъ довольствоваться обыкновенными понятіями о вещахъ и происшествіяхъ въ мірѣ.

Наибольшая часть людей, занимаясь единственно различными упражненіями обыкновенной жизни, по окончаніи ежедневныхъ своихъ работъ, стараются только вознаградить себя за ихъ труды пріятнымъ провожденіемъ времени. Вся сила ихъ дѣятельности истощевается въ тѣсномъ кругѣ бытія, изъ котораго они никогда не выходятъ; и для та-

ковыхъ Философія находится въ неизвѣстной и недоступной имъ области. Посему они не обращаютъ никакого вниманія на Философію; и тщетно было бы внушать имъ какое-либо уваженіе къ оной. Таковые не скорбятъ о скоротечности жизни, о прехожденіи и превращеніи всего существующаго въ мірѣ. Никто изъ нихъ не помышляетъ освободиться изъ-подъ развалинъ разрушающагося бытія, и перейти въ селеніе вѣчнаго существованія; гдѣ позади всего, измѣняемаго и уничтожаемаго временемъ, можно видѣть неизмѣняемое и всегда пребывающее! Они не могутъ имѣть рѣшительности, отказаться отъ пріятнѣйшихъ имъ забавъ и искать новаго увеселенія. Заняты другими удовольствіями, находятъ они рай свой въ другихъ странахъ; гдѣ плетутъ вѣнки свои изъ цвѣтовъ каждаго сада, и наслаждаются только радостію, изобрѣтенною людьми и одобряемою нравами и обычаемъ. Радость сія составляетъ усыпительный для нихъ напитокъ, которымъ они упоившись,

остаются долго въ пріятномъ ихъ снѣ. Философъ не помѣшаетъ имъ въ таковомъ удовольствіи, — только бы они оставили его въ покоѣ!

Мы не утверждаемъ, чтобы безъ Философіи никто не могъ быть блаженнымъ, и не хотимъ навязывать оную каждому. Но справедливость требуетъ отъ всѣхъ, почитать столь достославную Науку, и не произносить никакого сужденія о томъ, чего кто не понимаетъ! Знаніе языка, на которомъ писана Система Философіи, не даетъ еще понятія объ оной.

Для понятія Философіи нужно утонченнѣйшее чувство духа, которое бы слышало самые тихіе отголоски, ощущало невыразимое никакими словами, угадывало таинственнѣйшія мысли Природы, по магическому сродству съ оною, и видѣло, хотя въ гаданіи, сокровеннѣйшія происшествія міра. Къ сему неспособна душевная грубость, возбуждаемая

только тѣлеснымъ ощущеніемъ, и не чувствующая тонкой, невидимой атмосферы каждаго глубокаго слова, не могущаго обнять излагаемой имъ мысли. Кто не имѣетъ собственнаго умозрѣнія, и скуденъ одушевленіемъ, тотъ не можетъ возвыситься въ сферу другихъ зрителей и мыслителей.

Философія не составлена изъ обыкновенныхъ свѣденій; хотя для устроенія оной нерѣдко берется въ помощь и обыкновенное знаніе. Посему въ ея зданіи вездѣ встрѣчаются матеріялы школьныхъ упражненій; изъ которыхъ однако не можно понять цѣлаго зданія — на что весьма многіе жалуются съ огорченіемъ! Но художникъ употребляетъ тотъ-же матеріялъ, который и всякому имѣть можно; хотя не каждый изъ онаго можетъ составить искуственное произведеніе. Такимъже образомъ и въ философическомъ зданіи, вещественныя потребности каждому строителю извѣстны, но идеальный планъ онаго для

многихъ остается непроницаемою тайною. Всѣ смотрятъ на міръ одинакими глазами, но не всѣ видятъ оный!

Понятіе Философіи затрудняется наипаче тѣмъ, что большая часть изъ приступающихъ къ ея ученію, имѣютъ въ намѣреніи воспользоваться онымъ только для достиженія предназначенной ими цѣли, соотвѣтственно различному положенію и занятію каждаго. Посему таковые, смотря въ философскомъ ученіи только на то, что относится къ ихъ намѣренію, не видятъ существеннаго въ немъ содержанія, и въ самомъ началѣ преграждаютъ себѣ путь къ разумѣнію онаго. Желающій успѣха въ Философіи, долженъ заниматься ея ученіемъ съ дѣтскою любовію и мужественною силою, которая бы, не отвлекаясь никакими посторонними видами, могла дѣйствовать всѣмъ своимъ напряженіемъ.

Человѣкъ живетъ въ нѣкоторомъ раздорѣ и разрывѣ съ самимъ собою. Одинъ чувствуетъ

себя уязвленнымъ непріязненною судьбою жизни, другому тягостенъ міръ; одинъ сѣтуетъ на свой жестокій жребій, повергшій его во всѣ горести; другой ищетъ избавленія отъ несносныхъ противностей, вездѣ его преслѣдующихъ; одинъ, обуреваемый волнами жизни, не находитъ нигдѣ покоя; предъ другимъ все протекаетъ въ безпрестанномъ измѣненіи; одинъ, оглушенный шумомъ міра, не помнитъ самаго себя; другой, смущенный запутанностію Наукъ, блуждаетъ въ ихъ лабиринтѣ, не имѣя возможности выдти изъ онаго. Всѣ таковые прибѣгаютъ къ Философіи, жалуются ей на свои страданія и требуютъ облегченія! Но въ каждомъ находятся собственныя язвины, которыхъ никто другой въ немъ не видитъ. Иные могутъ предлагать ему множество лѣкарствъ, но не подаютъ никакого исцѣленія; и онъ самъ долженъ приготовлять изъ тѣхъ средствъ бальзамъ, для заживленія своей раны.

Всѣ мы блуждаемся во тьмѣ: и ежели нѣкоторые, просвѣтившіеся, освѣщаютъ насъ своимъ факеломъ; то мы сей свѣтъ усматриваемъ съ трудностію, или вовсе не видимъ онаго. На пути жизни каждому встрѣчаются собственныя препоны, къ отдаленію которыхъ каждый имѣетъ не одинакую возможность: что́ для одного непреоборимо, то другому кажется слабо противящимся; что́ одному достается легко, то другой долженъ пріобрѣтать съ великимъ усиліемъ; каждый угнѣтается собственнымъ бременемъ, которое одинъ съ себя сваливаетъ, а другой стонетъ подъ онымъ.

Философская побѣда надъ самимъ собою, состоитъ въ приведеніи себя въ ясность, и успокоеніи отъ смутныхъ противурѣчій въ самомъ себѣ; но таковою побѣдою пользуется только, стяжавшій оную. Всякъ, желающій наслаждаться плодами сей побѣды, долженъ пріобрѣтать оные собственными подвигами, въ которыхъ никто другой пособить ему не можетъ.

Предлагаемое намъ пособіе другихъ, рѣдко

мы употреблять можемъ потому, что оно не подкрѣпляетъ нашего изнеможенія. Однако дѣйствуетъ на насъ сильно тотъ, кто представляетъ намъ жизнь нашу такъ, что мы въ ней можемъ видѣть наши страданія и отраду, таинства нашего сердца и сокровеннѣйшія вожделѣнія души. Мы наиболѣе восхищаемся тѣми сочиненіями, которыя писаны сообразно расположенію нашего духа. Находясь въ области нашихъ мыслей уединенными, какъ въ пустынѣ, мы съ удовольствіемъ встрѣчаемъ человѣческія помышленія на томъ мѣстѣ, гдѣ мы болѣе любимъ останавливаться; ибо внутренній опытъ, толико насъ занимающій, видимъ мы тамъ и въ другихъ.

Мы стараемся болѣе или менѣе сдѣлать предмѣтомъ нашего воззрѣнія собственное наше существо, и считаемъ важнѣйшимъ то, что́ служитъ наиболѣе къ понятію насъ самихъ, и что́ представляетъ намъ бытіе наше въ такомъ видѣ, въ какомъ мы оное явственно разсматривать можемъ. Прочаго мы либо

вовсе не понимаемъ, либо мало обращаемъ на то вниманія.

Всякъ доискивается истины съ той точки, въ которой наиболѣе концентрирована жизнь его. Нѣкоторые въ ихъ отрочествѣ привязаны были уже къ Натурѣ, и находили въ ней свое утѣшеніе; посему никогда не растаются съ оною. Другіе съ дѣтскихъ еще лѣтъ, обращали свое вниманіе на самихъ себя; и таковые всегда ищутъ начала своего существованія во внутренности идеальнаго ихъ міра. Иные, чувствуя тайное сродство Натуры съ ихъ духомъ, силятся узнать начальную связь оныхъ.—А нѣкоторые многочисленными силами, дѣйствующими въ человѣкѣ по различнымъ направленіямъ, побуждаются къ снисканію единства оныхъ силъ, и общаго содержанія всѣхъ своихъ помышленій, чувствованій и желаній. Таковые хотятъ имѣть оное единство въ себѣ, дабы жизнь свою содѣлать чрезъ то ясною и для себя видимою; ибо гармонія

всѣхъ міровъ не приноситъ имъ никакой пользы, когда они разстроены въ самихъ себѣ.

Хотя собственный предмѣтъ Философіи есть вѣчное и безпредѣльное начало міра; однако участвуетъ она и въ изслѣдованіяхъ земной жизни, каковымъ участіемъ доставляетъ человѣку пособіе въ его нуждахъ и облегченіе въ тягостныхъ обстоятельствахъ. Небесный ея блескъ освѣщаетъ темноту земнаго пребыванія; и сущность Философіи, хотя весьма немногимъ извѣстна, но божественное свойство оной для всѣхъ видимо.

Важность Философіи не состоитъ въ правилахъ, для жизни ею предписываемыхъ, которыя всякъ и безъ оной знать можетъ: но Философія тѣмъ важна, что подаетъ человѣку созерцаніе всего міра, и поставляетъ его въ средоточіе общаго круга жизни. Водворившись въ человѣкѣ, она усовершаетъ его существо, искореняетъ въ немъ порочныя склонности, укрѣпляетъ благую волю, и нетокмо указуетъ путь къ добродѣтели, но дѣйстви-

тельно производитъ оную. Посему неосновательно считаютъ нѣкоторые полезною, одну токмо практическую часть Философіи; а все ѳеоретическое или умозрительное въ ней, признаютъ излишнимъ, либо столько нужнымъ, сколько относится оное къ практическому употребленію.

Философія имѣетъ единственною цѣлью, обратить духъ человѣческій къ созерцанію вѣчнаго начала вещей. Человѣкъ, приведенный въ такое положеніе, исполняется священнымъ вдохновеніемъ, по которому онъ направляетъ всѣ свои дѣянія къ безсмертной цѣли; гдѣ находитъ облегченіе своихъ страданій, удовлетвореніе благихъ желаній и уничтоженіе злыхъ вожделѣній!

Философія, не поставляющая цѣли своей въ созерцаніи вѣчности, остается внѣ общаго круга жизни, для которой тщетны всѣ правила и постановленія оной. Издавая законы, обуздающія неистовство, произнося судъ надъ

виновными, не подаетъ она любви и одушевленія, которыя составляютъ силу жизни, производящую всѣ благія и великія дѣйствія, и которой единственный источникъ есть умозрѣніе. Таковая Философія не производитъ внутренней сущности, но распоряжаетъ только внѣшнюю форму, и находясь въ одной периферіи жизненнаго круга, никогда не достигаетъ къ его центру. Умозрительная Философія возбуждаетъ самую жизнь, и простираетъ оную въ лучи немерцающаго свѣта; но рефлективная, состоящая въ понятіи однихъ чувственныхъ предмѣтовъ, предписываетъ только формулы для движенія сихъ лучей, и не имѣетъ никакого участія въ произведеніи оныхъ.

Машину дѣлаютъ изъ разныхъ частей, которыя, безъ всякаго между оными сродства, соединяютъ въ одно цѣлое: но живое произведеніе идеи не составляется изъ частныхъ понятій; хотя въ ономъ много частностей ви-

дѣть можно. Здѣсь точнѣйшее математическое исчисленіе, и вѣрнѣйшая механическая смѣта безполезны. Изъ всѣхъ готовыхъ элементовъ, по всѣмъ извѣстнымъ правиламъ и уставамъ, не составляется производимое безпредѣльными силами жизни; и проистекающее изъ сокрытаго источника любви. — Подобно прозябаемой отрасли, сначала оно малое и незначительное, потомъ дѣлается бо́льшимъ и сильнѣйшимъ, а напослѣдокъ достигаетъ исполинской величины. Происхожденіе, видимаго въ немъ величественнаго и превосходнаго, изложено быть не можетъ. Оное не произведено, но образовалось по великимъ примѣрамъ умозрѣнія, не подлежащаго аналитическому разбору. Таковые примѣры должны дѣйствовать на душу всею ихъ силою; ибо частное дѣйствіе, не имѣя никакой привлекательности, не можетъ возбудить къ себѣ никакого вниманія.

Мысленныя произведенія, образующіяся безъ предшествующихъ онымъ идей, суть

однѣ мѣлочи, не имѣющія внутренней органической связи, и составленныя изъ различныхъ дѣяній, чувствованій и помышленій, которыя также не одушевлены идеями. Совершенное произведеніе мыслей происходитъ только отъ созерцанія возвышенныхъ идеаловъ, которые душа должна имѣть безпрестанно въ виду, и заниматься оными съ любовію. По таковому созерцанію, проницающему каждое особое происшествіе въ духѣ, всѣ оныя соединяются между собою въ общую ихъ цѣлость. Какъ солнечные лучи, концентрированные въ зажигательномъ фокусѣ; такъ лучи жизни, собранные въ идеѣ человѣческой, производятъ горѣніе. Но свѣтъ, въ его раздѣленіи, и жизнь, въ ея распаденіи, не имѣютъ воспаляющей силы. Гдѣ предшедшія мысли, чувствованія и дѣянія соединяются съ послѣдующими только посредствомъ памяти, или мертваго понятія, а животворящая любовь не участвуетъ въ ономъ соединеніи, тамъ ничего значительнаго произойти не можетъ. Цвѣтъ безъ за-

родыша не приносить плода. Но идеалъ, возродившійся единожды въ комъ-либо, остается при немъ и на низшей степени нравственности: гдѣ онъ представляется ему, какъ-бы въ ночныхъ призракахъ, устрашаетъ его и наполняетъ печалью объ упадкѣ моральнаго состоянія!

Каждому человѣку врождено божественное свойство, но о которомъ каждый столько вѣдаетъ, сколько образуетъ оное изъ самаго себя, и которое не является въ минутномъ восторгѣ и преходящей радости, а оказывается твердымъ, глубокимъ и продолжительнымъ строемъ духа, дѣйствующаго не по внѣшнимъ мановеніямъ и наставленіямъ, но по внутреннему возбужденію благой воли. Великія мысли раждаются отъ созерцанія великихъ дѣяній, происходящихъ только въ идеѣ, и по которому умственная сфера человѣка распространяется до безконечности. Кто неспособенъ къ оному созерцанію, и видитъ только то, что принадлежитъ обыкновеннымъ потребностямъ, тотъ немо-

щенъ духомъ; и для таковаго высшее понятіе чуждо.

Практикамъ противно умозрѣніе,—хотя истинное понятіе о жизни, и наилучшее устройство оной, можетъ только произойти отъ высшаго идеальнаго созерцанія міра. Человѣкъ, заключающій въ себѣ безпредѣльный міръ, ведетъ себя другимъ образомъ, нежели живущій въ ограниченномъ и тѣсномъ кругѣ бытія. Знающій всю дѣятельность Природы и все содержаніе Исторіи, весьма различенъ отъ того, чей взоръ далѣе обстоятельствъ его жилища и происшествій смежной околичности не простирается; посему тотъ и другой, какъ на полѣ сраженія, такъ и въ государственномъ управленіи, поступаетъ не одинаково. Историческое и физическое знаніе, при нѣкоторомъ только пособіи философскаго свѣденія, могутъ доставить много свѣта, взятаго изъ всеобщей жизни. Удивляющіеся *Сократу*, должны знать, что онъ толико зна-

менитымъ Мудрецомъ содѣлался чрезъ умозрѣніе. Взглядъ на высочайшіе предмѣты привлекаетъ зрителя къ онымъ; и чей духъ вознесся въ высшую сферу познанія, тотъ имѣетъ превосходство во всѣхъ его дѣяніяхъ. Мысли принадлежатъ также физической жизни, которой внѣшній видъ зависитъ отъ внутренняго содержанія помышленій, чувствованій и желаній въ каждомъ человѣкѣ. Соединенное Природою, расторгать не должно. Ѳеоретическое раздѣляютъ отъ практическаго по рефлективному только понятію; а въ [illegible] оба находятся единымъ.

Созерцаніе вѣчнаго можетъ только доставить Философія, основанная на идеяхъ. Но къ сему требуется необыкновенное усиліе, дабы освободить духъ свой отъ помрачающей его тьмы, и видѣть во всѣхъ преходящихъ вещахъ, неизмѣняемое ихъ начало. Здѣсь частное знаніе Философіи недостаточно, и для достиженія предполагаемой, цѣли нужна вся

дѣятельность оной; а особливо ѳеоретической ея части, руководствующей къ спекулативному понятію.

Но таковую Философію, какъ знатоки, такъ и малосвѣдущіе, не вездѣ признаютъ достойною уваженія! Каждый находитъ пріятное для себя мѣстечко, въ которомъ онъ успокоивается — видитъ въ мірѣ только то, что подлежитъ его зрѣнію, и старается увеселять себя тѣмъ или другимъ способомъ. Но гдѣ одни предаются глубокому сну, тамъ другіе не находятъ ихъ успокоенія, и не оставаясь съ ними, идутъ далѣе, усматривая только пристанище свое въ лонѣ Абсолютнаго Начала. Для кого обыкновенныя свѣденія вещей неудовлетворительны и противны, тотъ стремится къ высшему познанію міра.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Какимъ путемъ надлежитъ достигать къ Философіи; и отъ чего происходитъ трудность въ ея понятіи, на которую столь многіе жалуются.

Философія, представленная въ поверхностномъ содержаніи духа человѣческаго, понятна для многихъ; но происшедшая изъ внутренней глубины онаго, можетъ быть сообщена только тѣмъ, кои, не довольствуясь частными и внѣшними свѣденіями о вещахъ, влекутся къ познанію внутренней цѣлости міра, которая для простыхъ людей должна оставаться непостижимою тайною!

Дабы понять необыкновенную Философскую Систему, нужно погрузиться въ ту стремнину общаго духа Природы, которою увлеченъ произнесшій оную Систему. Погрузившійся въ стремнину, долженъ теряться въ ея

созерцаніи, и быть преисполненъ сосвѣденія оной. Чтобы понять настоящій смыслъ той Системы, нужно вопервыхъ чувствовать стѣсненіе, причиняемое ограниченностью другихъ Системъ, и освободить духъ свой отъ всѣхъ предубѣжденій, связывающихъ оный!

Для точнаго познанія какого-либо предмѣта, нужно объять оный мыслями со всѣхъ сторонъ, а не разсматривать по частямъ и съ остановкою; ибо при таковомъ обозрѣніи одна мысль, смѣшиваясь съ другою, приходящею къ ней во время перемежки, затмѣвается и не можетъ имѣть яснаго свѣденія. Располагая по частямъ мысленные матеріялы, можно составить только внѣшнюю форму умственнаго зданія, безъ внутренняго устройства въ ономъ.

Одни поверхностные ощутительнѣйшіе предмѣты впечатлѣваются вдругъ чувственному понятію. Но какъ частное пребываніе суще-

ствуетъ въ общемъ содержаніи; то собственное значеніе всякой особой вещи можно только видѣть въ соединеніи оной съ другими. Посему тщетно требуютъ нѣкоторые: изложить имъ въ ясности какой-либо предмѣтъ, взятый ими изъ общаго содержанія міра. Столь нахальному требованію, Философія подвержена болѣе прочихъ Наукъ; ибо нѣкоторые изъ ея предмѣтовъ привлекательны и для несвѣдущихъ людей, которые, выбравъ изъ оныхъ нѣчто, кажущееся достойнѣйшимъ ихъ вниманія, требуютъ, чтобы Философъ изъяснилъ имъ то въ краткихъ словахъ и сообразно ихъ понятію. Не получивъ отъ него удовлетворенія, говорятъ: что онъ самъ себя не понимаетъ, и въ его умствованіи нѣтъ никакого смысла! Но вещь тогда только совершенно понять можно, когда извѣстно мѣсто, занимаемое оною въ цѣломъ содержаніи міра. Посему Философія употребительна только въ ея цѣлости; и желающіе воспользоваться нѣ-

которыми ея частями, не должны ожидать отъ ней никакого пособія.

Многіе желаютъ, чтобы Философія была для нихъ вразумительна по ихъ способу, т. е. чтобы они могли войти въ ея святилище, находясь на низшей точкѣ зрѣнія, и удерживая при себѣ ограниченное и превратное ихъ знаніе, — чему однако препятствуетъ совершенная невозможность. Философія, выводящая всѣ предмѣты отъ одного начала, при всѣхъ своихъ изслѣдованіяхъ, имѣетъ оное въ виду. Но обыкновенное свѣденіе о вещахъ, начинаясь отъ необозримаго дѣленія оныхъ, ничего не видитъ въ цѣломъ составѣ, а все представляетъ себѣ распадшимся и раздробленнымъ. Въ области философическаго понятія, обыкновенное представленіе вещей не имѣетъ мѣста; но въ простомъ свѣденіи, все принимается только такъ, какъ показывается наружнымъ чувствамъ. Кто полагаетъ, что изъ точки обыкновеннаго зрѣнія должно рѣ-

шать всѣ философическія задачи, безъ дальнѣйшихъ къ тому потребностей, тотъ долженъ отказаться отъ Философіи, и не льстить себя надеждою, достигнуть когда-либо къ истинному познанію. Въ однихъ противурѣчіяхъ согласіе быть не можетъ, и основательное понятіе несовмѣстно ни съ какими предразсудками.

Хотя Философія должна улучшать обыкновенную жизнь людей, представляя имъ высочайшія истины; однако собственное занятіе оной не должно ограничиваться исправленіемъ чужихъ недостатковъ и произведеніемъ знанія, всѣмъ вразумительнаго. При таковой простотѣ и ограниченности, Философія потеряла бы свое значеніе. Она не можетъ быть общенародною потому, что не всѣ имѣютъ способность понимать оную.

Философія останется чуждою и для тѣхъ, кои, будучи равнодушны ко всѣмъ обстоятельствамъ міра, и довольствуясь совершенно

обыкновенными понятіями вещей, занимаются оною не по внутреннему побужденію, но по внѣшней причинѣ, какъ-то: изъ одного любопытства, или для угожденія ученымъ своимъ пріятелямъ. Философія не изобрѣтена для препровожденія времени и прогнанія скуки, но родилась по свободной необходимости изъ существа духа человѣческаго; а посему достигается только напряженіемъ всѣхъ душевныхъ силъ, равнымъ той дѣятельности ума, которою произведена оная.

Во всѣхъ Наукахъ находится нѣчто, которое каждому сообщить, и даже силою къ изученію онаго принудить можно. Это есть машіональное, подлежащее чувственному понятію, и составляемое механическимъ образомъ. Весьма легко заставить каждаго, имѣющаго только здравый смыслъ, сообразить его понятія съ данными ему предмѣтами. Но во всякой Наукѣ находится также нѣчто непостижимое, чего никакими доказательствами изло-

жить, и никакимъ анализомъ очевидно представить не можно. Сіе непонятное и неизъяснимое, будучи предмѣтомъ внутренняго созерцанія идей, составляетъ искуственную принадлежность, не сообщаемую извнѣ, но образующуюся въ каждомъ, имѣющемъ оную. Такимъ образомъ учащійся Маѳематикѣ, можетъ разумѣть всѣ ея доказательства, и пріобрѣсть большой навыкъ въ маѳематической смѣтѣ; но никто не передастъ ему творческаго дѣйствія, произведшаго Маѳематику.

То, чего въ Наукахъ перенять не можно, есть высочайшая невидимая идея, одушевляющая Науки и управляющая оными, не сообщаемая никому, но развивающаяся въ каждомъ человѣкѣ собственною его дѣятельностію. Посему Науками могутъ пользоваться только тѣ, кои понимаютъ идеальный ихъ смыслъ, и воздѣлываютъ оныя въ самихъ себѣ. Особливо Философія не подлежитъ внѣшнему употребленію; ибо она занимается не

однимъ обозрѣніемъ наружныхъ формъ міра, но паче открытіемъ внутренней, сокровеннѣйшей его сущности.

Весьма ложно полагаютъ, что сокровище Философіи пріобрѣтается безпрестаннымъ кропотаньемъ, разложеніемъ и составленіемъ. Таковыя заботы нетокмо не обогащаютъ духа философскимъ знаніемъ, но паче истощеваютъ оный и приводятъ въ оскудѣніе. Философія не состоитъ въ однихъ чувственныхъ изысканіяхъ, а требуетъ сильной дѣятельности разума; который однако долженъ имѣть въ виду божественное созерцаніе, руководствоваться онымъ, и поставлять въ немъ всю цѣль своихъ изслѣдованій. Разборъ міра нуженъ, дабы очистить въ немъ отъ сору изящнѣйшее произведеніе Искуства, которое разлагать не можно, а должно быть разсматриваемо въ его цѣлости.

Въ познаніи вещей, многіе считаютъ главнѣйшимъ подробное разложеніе каждаго пред-

мѣта на особыя понятія, и стараются представить все въ раздѣльномъ видѣ. Но къ величайшему утѣшенію изслѣдывающаго духа, обыкновенное сужденіе не все разлагать можетъ, и при усиліи къ тому, скоро изнемогаетъ. Такимъ образомъ въ познательномъ мірѣ не все превращается въ исчезающія формы, а остается нѣчто и въ пребывающей сущности. Но ничто не можетъ сравниться съ восхитительнымъ чувствомъ того, кто, достигнувъ неизмѣняемой оной сущности, разсматриваетъ въ священномъ восторгѣ, существенную цѣлость вещей!

Обозрѣніе однихъ внѣшнихъ видовъ міра, приводитъ духъ въ замѣшательство противуположностью и несообразіемъ оныхъ: но разсматривающій внутреннюю сущность, восхищается величіемъ безпредѣльнаго единства, и ненарушимою стройностію Универса, представляемаго въ каждой особой вещи. Изъясненіе однѣхъ вещей другими, въ безконеч-

номъ кругѣ ихъ происхожденія, само по себѣ малозначительно, и служитъ только къ изощренію душевнаго зрѣнія. Удовлетворительное знаніе есть то, которое относится къ высшему созерцанію міра и сливается съ онымъ въ одинъ фокусъ, освѣщающій всѣ предметы его изслѣдованія. Поверхностное сужденіе (reflexio) по себѣ суетно, равно звуку, издаваемому пустою посудиною; и можетъ только быть употребляемо въ пріуготовленіи къ дальнѣйшему познанію. Опытное доказательство заслуживаетъ всякое уваженіе, но оно безполезно для прочнаго знанія; когда показавши одиножды излагаемую вещь, поступаетъ въ магазинъ памяти и теряется тамъ съ прочими аппаратами, употребляемыми при опытахъ. — Таковое доказательство подобно феєрверку, который увеселяетъ зрѣніе на минуту, но не доставляетъ продолжительнаго удовольствія; или той искусственной забавѣ, на которую зрители, посмотрѣвши о-

динѣ разѣ, не оставляютъ оной въ ихъ памятованіи.

Раздѣленіе и соединеніе отвлеченныхъ понятій не удовлетворяетъ любознательнаго духа, а заводитъ оный въ безплодную пустыню; гдѣ всѣ его произведенія изсыхаютъ и увядаютъ, и онъ остается изнуреннымъ. Стѣсненный въ ограниченномъ положеніи книжной учености, можетъ только находить нѣкоторое развлеченіе въ созерцаніи физическаго міра, и подкрѣплять истощенный духъ свой питательнымъ содержаніемъ онаго. Но созерцательный умъ, обозрѣвая постепенно различные предмѣты міра, погружается наконецъ въ самый источникъ вѣчнаго существованія, откуда происходитъ все утѣшеніе, любовь и сила душевной дѣятельности, по которой духъ имѣетъ возможность соединяться съ вѣчнымъ началомъ міра, и отдѣляться отъ онаго такъ, чтобы и въ отдаленіи быть освѣщаемому его сіяніемъ!

Что побуждаетъ нѣкоторыхъ къ такимъ занятіямъ, которыя для другихъ не имѣютъ никакой привлекательности? — Любовь, согрѣвающая первыхъ ея пламенемъ, когда послѣдніе костенѣютъ отъ хлада! Но сія любовь, происходя отъ душевнаго воззрѣнія на безпредѣльное и вѣчное начало міра, возбуждаетъ въ зрящемъ духѣ сокровеннѣйшую искру божественнаго огня, и производитъ въ одномъ человѣкѣ непреоборимое стремленіе къ тѣмъ предмѣтамъ, которые другому и на мысль не приходятъ.

Умственное созерцаніе для человѣка столь плѣнительно потому, что при всѣхъ извлеченіяхъ изъ онаго, остается въ немъ нѣчто неизвлекаемое, принадлежащее безконечному его содержанію. — Это есть сокрытый духъ міра, показывающійся въ многоразличныхъ видахъ, но самъ не видимъ. По односущности человѣческаго духа съ общимъ духомъ Природы, первый привлекается всякимъ яв-

ченіемъ второго такъ, какъ желѣзо магнитомъ. Въ развитіи психической жизни, образуемой ученіемъ, умственныя понятія могутъ споспѣшествовать наиболѣе; ибо онѣ трогаютъ внутренность духа и возбуждаютъ въ немъ идеи къ созерцанію Абсолютнаго Начала, которое душа можетъ только разсматривать, сбросивъ съ себя смертное облеченіе. Напротивъ того, чувственныя свѣдѣнія одни по себѣ хладны и не дѣйствительны, и только въ соединеніи съ идеальными понятіями, составляютъ огонь умственнаго знанія.

Чѣмъ болѣе какая-либо Наука предается отвлеченію и въ въ общемъ смыслѣ, тѣмъ менѣе возбуждается учащійся ея предметами. Въ Исторіи при абстрактныхъ понятіяхъ о Государствѣ, народѣ, войнѣ, сраженіи, побѣдѣ, правительствѣ, землѣ и т. п. каждый имѣетъ въ виду одинъ обзоръ и замѣчаніе происшествій. Но подробное изло-

женіе народовъ и ихъ дѣяній возбуждаетъ въ каждомъ живѣйшее вниманіе къ онымъ.

Обыкновенное ученіе Исторіи мало имѣетъ вліянія на образованіе жизни, и служитъ только для препровожденія времени ученымъ образомъ. Исторія занимаетъ болѣе одну память и обогащаетъ оную свѣдѣніемъ бывшихъ происшествій, которыхъ сокрытыя причины считаются не подлежащими историческому знанію. Въ Исторіи наиболѣе ищутъ предмѣтовъ, относящихся къ пользѣ или удовольствію; и весьма немногіе заботятся о понятіи смысла высшихъ предопредѣленій, исполняемыхъ дѣйствительными происшествіями. Но таковымъ историческимъ познаніемъ довольствуются одни малодушные, ограниченные въ тѣсномъ кругѣ физической жизни. Историческую тайну постигаетъ только тотъ, кто зритъ явственно вѣчную судьбу въ Исторіи, или кому является она, хотя въ сокрытомъ чувствованіи. Поелику Философъ имѣетъ пред-

мѣтомъ своего изслѣдованія вѣчную сущность міра; то Исторія, съ другими Науками, должна представляться ему въ ясности, — хотя находятся вдохновенные зрители, видящіе оную и безъ философскаго ученія. Однако Философія не есть исключительная принадлежность школы, или какого - либо Ученаго Сословія; но въ каждомъ глубокомысленномъ духѣ является она подъ различными видами.

Не особенныя дѣянія и происшествія въ Исторіи нашего времени, доставляютъ намъ блаженнѣйшія минуты жизни; ибо мы часто отвращаемся отъ оныхъ съ негодованіемъ! Но занимательность Исторіи состоитъ въ томъ, что она раскрываетъ предъ нами великую картину вѣковъ, изъемлетъ насъ изъ тѣснаго круга индивидуальной жизни, приводитъ въ сосвѣденіе съ жизнію цѣлыхъ народовъ, и въ сочувствіе съ пульсомъ общаго организма людей, и показываетъ намъ стройную соразмѣрность теченія времени. Всякое расширеніе

предѣловъ нашей жизни доставляетъ намъ неизрѣченное удовольствіе, показывая новый міръ; и чрезъ то укрѣпляется союзъ, связывающій насъ съ народомъ, которому мы принадлежимъ!

Исторію излагаютъ нѣкоторые также суетно и превратно, какъ понимаютъ общій міръ и частныя вещи въ ономъ, которыхъ показаніемъ возбуждаются только вожделѣнія и страсти у слабомыслящихъ людей. Исторія возвышаетъ духъ того только, кто чуждъ всякаго пристрастія, разсматриваетъ всѣ происшествія въ глубокомъ ихъ основаніи и точномъ значеніи. Кто свободенъ отъ мѣлочныхъ страстей, тотъ можетъ имѣть великія помышленія, и видѣть внутреннее положеніе внѣшнихъ явленій.

Еслибы Науки представляли самую сущность, а не отвлеченныя только формы предмѣтовъ, тобы онѣ дѣйствовали на человѣка

гораздо сильнѣе. Но по нынѣшнему ихъ дѣйствію, онѣ подобны болѣе ходулямъ, нежели крыльямъ; и оными занимаются не какъ въ мастерскихъ заведеніяхъ, а какъ въ рабочьихъ домахъ: гдѣ пріуготовляютъ матеріалы, болѣе раскупаемые, но которые скоро портятся и дѣлаются неспособными къ употребленію.

Неосновательно думаютъ, что Философія должна удовлетворять всѣмъ требованіямъ — даже и тѣхъ, кои, по предубѣжденію, считаютъ за ничто все, неизъяснимое постороннимъ способомъ, а понимаемое только собственнымъ воззрѣніемъ. Все, изучаемое нами, хотимъ мы имѣть раздробленнымъ и раздѣленнымъ на части, изъ которыхъ бы можно составить нѣчто по нашему желанію. Такимъ-же образомъ стараемся и мы передавать наши понятія другимъ; и сей способъ ученія называемъ строгимъ послѣдствіемъ! Но мысли, послѣдующія однѣ изъ другихъ, и находящіяся въ

неразрывной связи, должны производиться и располагаться творящею любовью духа, безъ которой онѣ цветвѣютъ и остаются безплодными. Тщетно стараются одну мысль выдавливать изъ другой, и послѣдующія извлекать изъ предъидущихъ. Таковое психическое произведеніе составляетъ только бездушную цѣпь пустыхъ размышленій!

Въ хорошемъ сочиненіи самое лучшее есть то, чего никакимъ однимъ словомъ выразить не можно. Оное, какъ невидимый духъ, распростерто въ цѣломъ составѣ, и виствуетъ только изъ совокупности всѣхъ частей. Какъ для понятія, такъ и для показанія онаго, нужно собственное къ тому расположеніе. Но сіе невидимое восхищаетъ наиболѣе читателя; когда напротивъ того сочиненіе, излагающее одни простые, очевидные предметы, не имѣетъ никакого достоинства, и содержаніемъ своимъ равно ступенькамъ лѣстницы, по которымъ отъ одного понятія восходятъ къ дру-

тому свѣденію. Важность сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы оно, излагая предмѣты свои ясно, свободно и смѣло, не укрывалось въ невидимыхъ извилинахъ его хода, и столько бы заключало въ себѣ особенностей, что читатель, проходя оное съ охотою, не могъ бы предузнавать слѣдующаго содержанія. Сочиненіе, излагающее одни простыя понятія, доставляетъ только читателю пустое занятіе и не научаетъ его ничему опредѣлительному; но наполненное чрезмѣрно особливыми остротами, ограничиваетъ кругъ его зрѣнія и затмѣваетъ видимые предмѣты. — То и другое по себѣ равно недостаточны, и могутъ быть исправлены взаимнымъ смѣшеніемъ. Отличительныя особенности весьма занимательны, когда онѣ, показываясь только въ ихъ различіи, основываются на общихъ прочныхъ положеніяхъ, и сливаются въ одну цѣлость.

Сочиненіе не имѣетъ никакого достоинства, когда оное составлено изъ собранныхъ отовсю-

ду мыслей, связанныхъ только снаружи. Мысли должны быть производимы любовію, и происходить по внутренней необходимости; дабы имѣть привлекательность для тѣхъ, кои сами восхищены любовію къ истинѣ. Мысленное зданіе не имѣетъ въ себѣ ничего изящнаго, когда оное на мѣлчайшія частицы разобрать и вновь сложить можно, безъ всякаго измѣненія и поврежденія въ цѣломъ составѣ. Сіе показываетъ, что оно составлено механическимъ только образомъ, и не содержитъ ничего, подобнаго органическому устроенію. Въ оригинальномъ Сочиненіи, при подробномъ разборѣ мысленнаго произведенія, остается нѣчто, не подлежащее никакому разбору и непостижимое никакой смѣтѣ. Въ каждомъ Классическомъ Сочиненіи находится нѣчто, непонятное для поверхностныхъ сужденій — это есть созерцаніе глубокаго основанія, на которомъ утверждается существенное познаніе, и въ которомъ состоитъ вся важность творенія.

Наилучшія мысли суть тѣ, которыя не происходятъ мало по малу и въ постепенномъ развитіи, но являются вдругъ и въ полной ихъ формѣ, какъ Минерва изъ головы Юпитера. Произрожденіе таковыхъ мыслей сокрыто, и способъ ихъ образованія непостижимъ!

Великія философическія понятія не образуются изъ элементовъ, съ трудомъ и тщаніемъ собираемыхъ и составляемыхъ, но происходятъ мгновенно въ предрасположенномъ къ тому духѣ; гдѣ онѣ, будучи раздѣляемы въ особыя формы, остаются всегда цѣльными. Одни совершенные умозрители могутъ разсматривать міръ въ тончайшихъ видахъ; поелику начальный образъ онаго пребываетъ въ ихъ духѣ нераздѣленъ. Имъ только дана возможность тянуть тонкія нити, которыя въ ихъ рукахъ не разрываются, и по которымъ достигаютъ они въ отдаленнѣйшія страны, и возвращаются опять къ точкѣ общаго исхода, не

теряя изъ виду цѣлости обозрѣваемыхъ ими предмѣтовъ. Но другіе, не имѣющіе умозрительнаго дара, тщетно хотятъ посредствомъ сихъ нитей разсматривать лабиринтъ міра. Они, при всемъ стараніи и усиліи, свиваютъ только трубыя веревки, которыми связываютъ духъ свой и удерживаютъ его порывы. Посему таковые люди не разумѣютъ соотношенія внутренняго духа съ внѣшнимъ міромъ, и не понимаютъ сродства, по которому они между собою соединяются, и коего понятіе составляетъ величайшую важность знанія. Геніальное созерцаніе міра есть высочайшая степень, на которую духъ человѣческій взойти можетъ; къ чему однако долженъ онъ руководствоваться даннымъ примѣромъ, безъ котораго внутренняя сила духа остается не дѣйствительною. Отвлеченныя понятія раздробляютъ только предмѣты; и оными не можно представить міра въ его цѣлости.

Для духа, понимающаго идеи, нѣмое обозрѣніе великихъ предмѣтовъ служитъ лучшимъ

руководствомъ къ геніальной Философіи, нежели искуснѣйшія абстракціи. Отвлеченное понятіе стѣсняетъ кругъ вещественнаго бытія и мысленнаго дѣйствія: но положительное созерцаніе возбуждаетъ безпредѣльное чувство, и вселяетъ въ душу неизъяснимую мысль о вѣчномъ существованіи. Воззрѣніе на Природу, на эстетическія произведенія, на историческую картину и т. п. возводитъ нѣкоторыхъ въ высшую область духа, указуемую философскимъ чувствованіемъ. Но другіе, не видя въ таковыхъ предмѣтахъ ничего восхитительнаго, смотрятъ на оные равнодушно, и остаются въ кругѣ обыкновенныхъ чувствованій и помышленій, Кому здѣсь невидѣнъ свѣтъ, того трудно привести другимъ путемъ къ просвѣтлѣнію, которое каждый пріобрѣтаетъ только собственнымъ усиліемъ.

Духъ каждаго человѣка составляетъ островъ, отдѣльный совершенно отъ всѣхъ другихъ на неизмѣримомъ океанѣ Вселенныя. Люди по

духу, отстоятъ далеко одни отъ другихъ; хотя по тѣлу весьма близки между собою. Они сообщаются посредствомъ рѣчи, какъ душевной атмосферы народа, которая подаетъ дыханіе скрытнѣйшей его организаціи. Рѣчь переноситъ мысли отъ однихъ къ другимъ и составляетъ связь умовъ, по которой они пользуются взаимно опытными ихъ свѣденіями. Но употребленіе рѣчи имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ оно не простирается. Никакая рѣчь не можетъ вмѣстить въ себя всего содержанія одного духа, и передать оное другому. — Слова ея немощны, и не въ состояніи произносить глубокихъ помышленій. Одни грубыя свѣденія выражаются словами; а тонкое умственное понятіе можно только представить оными въ слабомъ, неопредѣлительномъ начертаніи, по которому всякъ долженъ доискиваться самъ точнаго значенія.

Сія ограниченность рѣчи наиболѣе ощутительна въ Философіи, которая по оной не мо-

[illegible] Въ чемъ понятіи
[illegible] оными
[illegible] Въ философіи
[illegible] ихъ
[illegible] христіанномъ
[illegible] онъ
[illegible] съ ея пред-
[illegible] души
[illegible] мыслящ-
[illegible] ствительно-
[illegible] Ка-
[illegible] въ собст-
[illegible] не
[illegible] Лю-
[illegible] можетъ хо-
[illegible] въ изуче-
[illegible] существующее
[illegible] вовсе
[illegible] трехъ-
[illegible] Приро-
[illegible] не могутъ быть

ому сообщены извнѣ; хотя отъ оныхъ за-
ить все основательное знаніе Философіи.

Полнаго міросозерцанія, въ которомъ всѣ
бенности представляются въ общей боже-
енной гармоніи, и гдѣ духъ находитъ со-
шенное свое удовлетвореніе и блаженство,
могутъ доставить намъ ни книги, ни сло-
сныя изъясненія. Таинственное, неизглаго-
мое содержаніе таковаго міросозерцанія про-
сходитъ въ счастливѣйшія и наилучшія минуты
изни, и видимо человѣку тогда только, тогда онъ
азоблечетъ духъ свой отъ постороннихъ об-
егченій, и представитъ его въ собственной чи-
тотѣ, укротитъ въ немъ противныя волненія
изкихъ страстей, и надлежащею соразмѣрно-
стію всѣхъ житейскихъ отношеній, приведетъ
себя въ ясное положеніе, составляющее не-
порочность жизни. Оно есть свѣтъ, по ко-
торому духъ человѣческій видитъ величіе не-
бесъ и явленіе Бога въ Природѣ, и безъ ко-
тораго внѣшній міръ показывается ему тем-

нымъ, мертвымъ и тягостнымъ. Сіе міросозерцаніе никакими смѣтами и вычисленіями понятнымъ учинено быть не можетъ; но для возможнаго приближенія къ оному, нужно окружить человѣка возвышенными предмѣтами, на которые бы онъ взирая, возносился душевными силами въ неизвѣстную ему сферу внутренняго его сосвѣденія.

Высочайшій предмѣтъ Философіи подлежитъ только умозрительному изслѣдованію, составляющему всю трудность оной. Къ умственной дѣятельности никого принудить не можно; а посему Философія никогда общею и всѣмъ понятною быть не можетъ. Она оказывается собственною нѣкоторымъ токмо лицамъ, представляющимъ въ себѣ цѣлое содержаніе идеальнаго познанія, свойственнаго духу человѣческому, и которое у другихъ является подъ видомъ частныхъ свѣденій. Образованіе всего человѣческаго знанія изъ частныхъ, ограниченныхъ формъ въ общую без-

предѣльную сущность онаго, составляетъ великую тайну Наукъ, хранимую въ Философіи. Въ наши времена, когда священнѣйшія дѣла профанированы и презрѣны цѣлыми народами, поверхностно-ученые возстаютъ сильно противъ оной тайны, и не имѣя идеальнаго понятія, оказываютъ непримиримую вражду ко всему, не подлежащему ощутительнымъ свѣденіямъ! Философія, будучи по своей сущности таинственна, остается для многихъ вовсе непонятною; и таковые ненавидятъ оную и предаютъ поруганію. Но что оная не есть плодъ произвольнаго вымысла, а принадлежитъ необходимо жизни человѣческой; то сіе доказывается тѣмъ, что обыкновенное свѣденіе, безъ философическаго познанія, не можетъ произвести ничего прочнаго, ни въ общественныхъ соотношеніяхъ, ни въ частныхъ поступкахъ людей.

Таинственная сила Философіи такъ ощутительна, что и не понимающіе оной чувству-

ютъ ея важность; а посему, не смѣя отрицать ея достоинства, возлагаютъ собственные свои недостатки на Философовъ: якобы они не понимаютъ самихъ себя, занимаются пустословіемъ и совращаютъ здравый разумъ съ праваго пути. Философы всегда имѣли своею участью поруганіе, отъ котораго они никакимъ образомъ охранить себя не могутъ; ибо простой народъ, по своему высокомѣрію, считаетъ себя въ правѣ судить обо всемъ; и что́ ему не нравится, то признаетъ достойнымъ презрѣнія! Величайшіе мудрецы, составляющіе эпоху многихъ столѣтій, и коихъ достоинство оцѣнено быть не можетъ, часто выставляются предмѣтомъ посмѣянія въ питейныхъ домахъ, на пирушкахъ, въ шумныхъ собраніяхъ незрѣлыхъ юношей и мнимо-ученыхъ стариковъ, которые безъ всякаго дальнѣйшаго свѣденія, по легкомыслію, зависти, тщеславію, или для одной пустой забавы, осмѣиваютъ и критикуютъ великихъ людей въ Ученомъ Мірѣ!

Обыкновенно желаютъ, чтобы Философія была также вразумительна для каждаго, какъ понятны произведенія Искуствъ. Но плоды Философіи не могутъ быть общеупотребительны, и оная содержится къ публикѣ другимъ образомъ. Дабы понять Философію въ глубокомъ ея основаніи, нужно имѣть столько почти геніальной способности, сколько потребно для созиданія оной. И самыя Искуства не каждому постижимы; ибо многіе, увеселяющіеся оными, не понимаютъ ихъ въ точномъ значеніи. Но въ Искуствахъ всякъ можетъ найти для себя нѣчто занимательное; а посему всѣ утѣшаются произведеніями оныхъ. Напротивъ того, истинная Философія недѣлима, и ничего частнаго изъ оной выбрать не можно. Желающіе воспользоваться какою-либо частію Философіи, должны имѣть цѣлость оной, пріобрѣтаемую спокойнымъ, непринужденнымъ и постояннымъ изученіемъ ея предмѣтовъ: подобно какъ художникъ усовершаетъ Искуство свое неослабнымъ и

свободнымъ упражненіемъ въ ономъ. Многіе однако въ начальныхъ понятіяхъ Философіи хотятъ имѣть окончательное ея совершенство; и простымъ, обыкновеннымъ своимъ понятіямъ даютъ рѣшительную важность во всѣхъ сужденіяхъ, находящихся внѣ сферы ихъ познанія!

По таковымъ упрекамъ, дѣлаемымъ Философіи въ ея непонятности, нужно было войти въ подробное изложеніе: для кого и почему Философія невразумительна? Такимъ-же образомъ упомянуто о трудностяхъ въ ея понятіи, означены главныя препятствія къ оному, и показанъ вѣрный путь къ достиженію желаемой цѣли. Представивъ вліяніе Философіи на общую жизнь человѣка, слѣдуетъ показать особливое отношеніе оной къ нѣкоторымъ положеніямъ частной жизни; чемъ и кончится опытъ сего изложенія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Нѣкоторыя положенія частной жизни, и содержаніе Философіи къ онымъ.

А. *Дѣйствіе въ общественномъ мірѣ.*

Люди обыкновенно считаютъ важнѣйшимъ то, что служитъ имъ къ произведенію знаменитыхъ дѣйствій въ мірѣ; гдѣ однако для успѣшнаго дѣйствованія, потребно особливое искуство. Начертать планъ и привести оный въ исполненіе, не есть одно и тоже. Для произведенія чего-либо значительнаго въ мірѣ, однѣ великія мысли не довлѣютъ, а нужны еще способы къ представленію оныхъ на самомъ дѣлѣ; но которые достигаются особливою уловкою. При одной рѣшительности къ дѣйствію, человѣкъ съ яснымъ самосвѣденіемъ, видитъ предъ собою только прямый

путь: но вступивъ на поприще жизни и въ соотношеніе съ внѣшнимъ міромъ, все усматриваетъ онъ въ другомъ видѣ и въ мрачномъ положеніи! Безчисленныя обстоятельства управляютъ нашими поступками, и въ кругѣ нашихъ дѣйствій, заставляютъ насъ двигаться по діагоналу; гдѣ мы никогда не достигаемъ предполагаемой нами точки, но всегда, проходя мимо оной, встрѣчаемъ на пути тысячи препятствій и затрудненій. Ежели кому нужно было время для соображенія съ самимъ собою и для составленія плана; то для приведенія въ дѣйство своихъ предположеній, потребно еще болѣе времени. Рѣдко можно приближиться къ цѣли непрерывнымъ ходомъ, но чаще должно останавливаться и выжидать благопріятныхъ обстоятельствъ, споспѣшествующихъ предпринятому дѣлу. Нѣкоторыя вещи не во всякое время совершать можно, хотя бы оныя казались удобоисполнительными; другія, и при способномъ къ тому времени, требуютъ осторожныхъ мѣръ противъ

неистовыхъ враговъ и коварныхъ завистниковъ. Кромѣ того нужно смотрѣть: не сопряжены ли наши дѣянія съ обидою или съ огорченіемъ другихъ, не представляются ли онѣ въ ложномъ видѣ; не можно ли толковать словъ нашихъ въ противную сторону; не ставитъ ли намъ злоба тонкихъ своихъ сѣтей, и не можетъ ли она изъ справедливыхъ нашихъ поступковъ выводить ложныя и вредныя послѣдствія! Сіи, и многіе другіе, случаи полагаютъ не малое затрудненіе въ исполненіи какого-либо важнаго предпріятія.

Не однихъ Полководцевъ занимаетъ стратегія, но въ общественной жизни всѣ упражняются въ оной. Отъ стратегической ловкости зависитъ наиболѣе успѣхъ человѣческихъ предпріятій; а посему люди маневрируютъ безпрестанно одни противъ другихъ. Съ неутомимою бдительностію рекогносцируютъ они себя взаимно, и высматриваютъ слабыя ихъ стороны, которыя бы лучше атаковать мож-

но! Для сего принимаютъ они различнѣйшія положенія и дѣлаютъ всѣ возможныя эволюціи: смотря по надобности, въ одномъ случаѣ показываются высокомѣрными, а въ другомъ униженными; предъ инымъ наклоняютъ выи свои, а на другаго устремляются бурею, потому что такимъ только образомъ словить ихъ можно; сильнѣйшаго избѣгаютъ, а на слабѣйшаго нападаютъ, предъ высшими ползаютъ, а низшихъ попираютъ ногами; и силу свою укрѣпляютъ, то льстивымъ союзомъ, то несправедливою войною; однихъ склоняютъ къ себѣ почтеніемъ, а другихъ угожденіемъ; отъ кого надѣются получить какой-либо выигрышъ, того заманиваютъ лестію и дружескими пріемами; но въ комъ не предвидятъ пользы, отъ того удаляются; въ лицо каждаго хвалятъ, а на сторонѣ охуждаютъ; но всего болѣе стараются сокрыть свои поступки, и подать выгоднѣйшее о себѣ мнѣніе. Невозможно представить всѣхъ ухищреній, коими люди хотятъ пріобрѣсти свою выгоду и

утвердить ихъ силу въ обществѣ. Никто не довѣряетъ никому, и при величайшей учтивости, оказываемой взаимно, одни имѣютъ всегдашнюю предосторожность отъ другихъ. Не знающій ихъ искуства, и обращающійся съ ними откровенно, впадаетъ изъ одной засады въ другую, и приходитъ въ худое положеніе!

Многіе обманываются различнымъ образомъ, даже отъ тѣхъ, коихъ считаютъ своими друзьями. Посему надлежитъ быть осторожнымъ! Нѣкто будетъ угождать вамъ, показывать свое безкорыстіе, готовность ко всякому пожертвованію и другія прекраснѣйшія добродѣтели для того только, чтобы обольть сердце ваше. Но таковаго можете вы узнавать по его дѣламъ и прочимъ поступкамъ, которые во всѣхъ случаяхъ должны быть благородны. Ежели замѣчаете въ немъ обыкновеннаго человѣка, не привязаннаго ни къ Искуству, ни къ Наукѣ, презирающаго Религію, ненавидящаго

своихъ собратій, почитающаго высочайшимъ идеаломъ одно житейское благоразуміе, съ которымъ онъ, подобно странствующему рыцарю, гоняется только за суетою міра сего; то будьте увѣрены, что отъ таковаго человѣка ничего добраго произойти не можетъ! Онъ есть твореніе, мучимое гладомъ низкихъ страстей, привязанъ къ вамъ въ надеждѣ какого-либо выигрыша, и ежеминутно готовъ къ предательству; ибо для него нѣтъ ничего священнаго и постояннаго, а все измѣняемо по обстоятельствамъ. Когда вы не такъ далеки въ Натуральной Исторіи людей, чтобы могли распознавать между ними лисицъ, волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, и не въ силахъ притуплять имъ острые зубы, либо избѣгать ихъ вохтей, то вы будете растерзаны отъ оныхъ!

Люди, и въ формальномъ мирѣ, ведутъ между собою безпрестанную войну. Смертоубійство у нихъ рѣдко, разбои и грабежи чаще, а похищенія всякаго рода — только не такъ

нахальное, и согласное нѣкоторымъ образомъ съ обычаемъ — производится весьма часто. Несправедливыя тяжбы, тонкой обманъ, непотизмъ (родовое притяженіе) и т. п. столь обыкновенны, что никто почти не признаетъ нужнымъ скрывать оные. Самые предосудительные способы къ пріобрѣтенію имѣнія, считаются отъ нѣкоторыхъ честными и позволительными. Расхищеніе публичнаго сокровища многіе не почитаютъ воровствомъ, и явственнѣйшія несправедливости, прикрытыя только юридическою формальностью, признаютъ справедливыми. При всей нашей образованности, господствуетъ между нами одно насильственное право войны, покрытое только внѣшнимъ обликомъ мира!

Государство уподобляется крѣпости, находящейся въ безпрерывной осадѣ. Одни ищутъ въ немъ знатныхъ чиновъ, другіе прибыльныхъ должностей, а третіе богатства. Чтобы не достаться въ добычу хищниковъ,

ограждаетъ оно себя крѣпчайшими оплотами, дѣлаетъ всѣ входы болѣе и болѣе тѣсными, и приходящихъ къ онымъ, подвергаетъ строгому испытанію, обнародовавъ прежде повсюду: что общественное управленіе можетъ только быть поручаемо способнѣйшимъ и честнѣйшимъ людямъ. Всѣ сіи мѣры остаются недѣйствительны; ибо хитрецы роютъ подкопы, и тайными посторонними ходами достигаютъ безопасно къ тому, что́ имъ воспрещено. Хотя и написано: что путь открытъ только заслугѣ; однако рѣдко можетъ оная достать что-либо собственными ея силами!

Добросердные учители обѣщаютъ рачительному юношѣ: что онъ за свою ревность получитъ славу и благосостояніе. Но вступивши въ свѣтъ, находитъ онъ вовсе другое. Достигнувъ высокой степени въ Наукахъ, и познакомившись въ Исторіи съ величайшими людьми и цѣлыми народами, видитъ онъ себя въ гражданской жизни приведеннымъ опять

къ начальной азбукѣ, и нерѣдко съ высоты ученаго познанія брошенъ бываетъ въ пучину весьма обыкновенныхъ занятій! Здѣсь онъ находится въ такой сферѣ, гдѣ собственное усиліе и душевные порывы не могутъ возвести его на желаемую степень, но достоинство его зависитъ отъ чужой благосклонности, слѣпаго случая и собственнаго ухищренія. Онъ вступаетъ на поприще съ горячимъ усердіемъ и любовію; но его принимаютъ хладно и непріязненно. Располагающіе должностями боятся, чтобы онъ имъ не наскучилъ; а посему не допускаютъ его въ близкое съ ними сообщеніе, и не хотятъ имѣть у себя таковаго сослуживца. Всѣ его чуждаются и убѣгаютъ; и онъ, не имѣя ни друзей, ни покровителей, остается безъ всякаго пособія, и видитъ всѣ пути для него прегражденными. Его встрѣчаетъ зависть, преслѣдуетъ клевета, хитрые соперники отнимаютъ у него все заслуженное имъ; и онъ, въ преддверіи новой его жизни, шествуетъ удрученъ скорбію и заботами! Ус-

пѣхъ человѣка въ общественной жизни зависитъ не столько отъ внутренняго его достоинства, сколько отъ впечатлѣнія, дѣлаемаго имъ на другихъ, которые признаютъ его таковымъ, каковымъ онъ кажется.

Для дѣйствія въ мірѣ потребно особливое искуство, безъ котораго наилучшіе таланты рѣдко дальнѣйшій успѣхъ приносить могутъ. Посему таковое искуство вообще цѣнится столь высоко, и во всѣхъ занятіяхъ смотрятъ наипаче на вліяніе онаго, по которому измѣряютъ пользу самихъ занятій.

Въ семъ отношеніи Философія не служитъ столь непосредственнымъ руководствомъ потому, что предмѣты оной гораздо возвышеннѣе цѣли, предполагаемой обыкновенно людьми къ достиженію своихъ желаній. Но знаніе Философіи не остается безъ всякаго вліянія на публичную и домашнюю жизнь человѣка. Оно развиваетъ всѣ душевныя способности и

дѣлаетъ его проницательнымъ, видящимъ сплетенія, составляемыя суетнымъ искуствомъ. Распространяя горизонтъ мысленнаго взора, Философія показываетъ человѣку отдаленнѣйшіе предмѣты, и подаетъ ему способъ къ объятію и распоряженію оныхъ. Философъ, принужденный ополчиться противъ возстающихъ на него, и въ самой брани оказываетъ благородные и великодушные поступки, не нанося врагамъ своимъ разительныхъ ударовъ, а защищаясь только отъ нападеній и злобныхъ ухищреній. Пустыя формы общественной жизни, состоящія въ однѣхъ политическихъ стратагемахъ и внѣшнихъ угожденіяхъ, Философія содѣлываетъ исполненными внутренней пріязни. Образованные въ оной не довольствуются тщетною формальностію, но ищутъ дѣйствительнаго содержанія, основаннаго на правотѣ, возбраняющей неистовое корыстолюбіе, и требующей собственнаго пожертвованія общему благосостоянію людей.

Философъ, потерпѣвшій разореніе отъ хитрыхъ чадъ тьмы, и гонимый жестокою злобою, завистію и предразсудками, уноситъ идеалы его дѣйствія, какъ свои Пенаты, сквозь шумную толпу, въ глубокой ночи мрачнаго невѣжества, и находитъ иногда отдаленнѣйшее мѣсто, гдѣ онъ можетъ показать Свѣту произведеніе своего духа. Ежели онъ, преслѣдуемый неумолимою судьбою, нигдѣ не обрѣтаетъ спокойствія; то по крайней мѣрѣ подаетъ собою знаменитый примѣръ твердаго постоянства въ несчастіи, и неизмѣняемой любви къ истинѣ. Въ немъ видѣнъ великій характеръ, образуемый Философіею, и сила душевной жизни, производимая оною. Несчастіе и гоненіе доставляютъ человѣку случай, и въ самомъ тѣсномъ кругѣ приватной жизни, оказывать геройскія добродѣтели.

В. *Внутренняя жизнь духа человѣческаго.*

Внутренняя жизнь наша столько-же стѣснена и ограничена, сколько и наружная имѣетъ препятствій въ ея распространеніи. Она не протекаетъ въ равной полнотѣ и съ одинакимъ стремленіемъ, но иногда изливается глубокою рѣкою, а иногда струится мелкими ручьями. Дѣйствіе оной подобно то мерцающему сіянію, то яркому пламени огня; и никогда не показывается она въ цѣломъ составѣ, но всегда является въ отдѣльныхъ частяхъ идеальнаго ея устройства. Таковыя части суть наши мысли, подобныя эфемеридным насѣкомымъ, которыя въ одинъ день родятся, живутъ и умираютъ. Немногія изъ нашихъ мыслей переживаютъ вѣкъ тѣхъ насѣкомыхъ, а еще меньшее число пребываетъ постояннымъ. Подобно песку, носимому вѣтромъ, приходятъ и уходятъ онѣ обратно, но

производя ничего другаго, какъ только пыль предъ глазами. Всѣ таковыя мысли суть случайныя, и столько-же бѣдны, сколько многіе стихи, импровизированные по какому-либо случаю. Мы подвержены наиболѣе нечаяннымъ происшествіямъ, измѣняющимъ безпрестанно внутреннія наши чувствованія такъ, что духъ нашъ каждое мгновеніе находится въ другомъ положеніи. Подобно ѣдущимъ, занимаемъ мы ежеминутно другое мѣсто на пути жизни, и побуждаемы внутреннею силою къ дальнѣйшему шествію, не всегда можемъ останавливаться на одномъ, по нашему желанію. Для расположенія самимъ собою и сопротивленія побуждающей оной силѣ, потребна необыкновенная крѣпость духа. Съ чрезвычайнымъ только напряженіемъ можно узнать сокрытаго въ насъ зиждителя, и понять планъ творимаго имъ зданія нашей жизни, которая въ самосвѣдущей подчиненности идеѣ всего существованія, изъемлется отъ вліяній случайныхъ обстоятельствъ, и зиждется по

закону свободной необходимости, представляемой умомъ. Немногимъ дано обладать самимъ собою; но множайшіе пребываютъ чуждыми зрителями собственныхъ происшествій ихъ жизни, протекающей подобно водовороту, стремящемуся безпрестанно то внизъ, то вверхъ. Различныя вожделѣнія влекутъ таковыхъ по разнымъ направленіямъ; и едва кто началъ слѣдовать какому-либо предмѣту, какъ тотчасъ совращается къ другому. Они не могутъ думать въ связи предъидущаго съ послѣдующимъ, равно также не могутъ понимать ничего въ соединенной цѣлости. Они не знаютъ точной цѣли своихъ дѣяній, бросаются то къ тому, то къ другому, встрѣчающемуся имъ, предмѣту и дѣйствуютъ болѣе по случайнымъ обстоятельствамъ, нежели по собственной волѣ.

Часто приходятъ къ намъ такія минуты, въ которыя мы ничемъ охотно заниматься не можемъ, и мысли наши не имѣютъ надлежа-

щей силы. Взявшись за какое-либо упражненіе, ничего порядочнаго въ немъ не производимъ, а оставивши всѣ дѣла, удручаемся скукою. Въ такое непріятное положеніе приходимъ мы, когда растерявшись сами въ себѣ, влечемся мыслями, чувствіями или желаніями къ какому-либо частному занятію, и совершенно предаемся оному. При семъ мы столь разстроены въ нашемъ духѣ, что сами себя узнаемъ съ трудностію, будучи то возвышенными, то униженными, то великими, то малыми, то бодрыми, то унылыми, то спокойными, то волнуемы бурею страстей.

Нами управляетъ самая малость! Какъ въ тѣлесномъ пребываніи зависимъ мы отъ многихъ веществъ, потребныхъ для питанія: такъ и въ душевной сферѣ подлежимъ особливому вліянію нѣкоторыхъ мысленныхъ дѣйствій. Бездушныя вещи столько относятся къ душевному нашему существованію, что кажется, будто бы оныя вмѣстѣ съ нами думаютъ, и по-

собляютъ намъ образовать собственныя наши мысли. Человѣкъ, ведущій уединенную жизнь, привязывается къ мѣсту своего пребыванія, и даже влюбляется въ свои мебели. Подобно гусеницѣ, гнѣздится онъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и невидимою тканью мыслей своихъ, прикрѣпляется къ самымъ ничтожнымъ мѣлочамъ. Ему болѣе нравится тотъ или другой уголъ его покоя, тотъ или другой видъ изъ онаго, тотъ или другой столъ, та или другая пѣчка; потому что онъ при сихъ вещахъ думалъ извѣстнымъ образомъ, и производилъ мысленныя свои операціи. Оставивши то мѣсто, онъ чувствуетъ въ себѣ какъ-бы нѣчто потеряннымъ, безъ чего нескоро приходитъ въ обыкновенный порядокъ мысленныхъ своихъ занятій.

Мы мало имѣемъ власти надъ дѣятельностію нашего духа. Хотя молнія, сверкающая изъ онаго, освѣщаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помрачающую насъ тьму; однако оная не за-

виситъ отъ нашей воли, и мы можемъ только пользоваться скоропреходящимъ ея свѣтомъ. Иногда мѣста, зажженныя таковою молніею, издаютъ еще блескъ и по прошествіи оной; но это суть однѣ свѣтящіяся точки, слившіяся въ цѣлое море свѣта. Часто потрясаетъ насъ внутренняя сила, дѣйствующая подобно землетрясенію, и которая спокойныя наши чувства приводитъ въ чрезвычайное волненіе; но таковое потрясеніе проходитъ скоро, и мы не остаемся въ напряженіи, которое въ насъ производится онымъ.

Изъ душевныхъ расположеній ничего геніальнаго механическимъ образомъ извлечь не можно. Дабы узнать полноту своего духа, нужно собрать всѣ разсѣянные лучи онаго, не оставаться при частномъ, поверхностномъ размышленіи, но погрузиться въ глубину идей, какъ внутренній хаосъ нашего существованія, въ которомъ находятся сѣмена Универса, наполняющія прозябеніемъ своимъ индивидуаль-

ный міръ. Какъ естественныя порожденія зиждутся основными силами Натуры: такъ идеальныя произведенія творятся начальными силами духа, которыя, по отдаленіи суетныхъ помышленій о внѣшнемъ мірѣ, производятъ во внутренней душевной сферѣ величайшія мысли, возникающія подобно огромнымъ массамъ вулканическихъ изверженій. Высокія волны моря воздымаются только тогда, когда волнуется оно въ своей глубинѣ. Важнѣйшія и сильнѣйшія мысли происходятъ изъ неизмѣримой глубины духа; но производимыя на поверхности онаго чрезъ комбинаціи, абстракціи и другіе искуственные способы, по ихъ малости и пустотѣ, не поражаютъ никого своими впечатлѣніями. Настоящія цѣлительныя воды проистекаютъ только изъ глубины земли, а на поверхности оной составлены быть не могутъ.

Внутреннему произведенію духа рефлексія даетъ только внѣшній видъ и постоянное зна-

ченіе, не участвуя собственно въ творческомъ актѣ идей. — Дѣйствуя одна по себѣ, производитъ она только неодушевленную машину, составленную изъ разныхъ веществъ; ибо рефлексія есть не что другое, какъ приведеніе цѣлости духа въ раздѣльное положеніе. Рефлексія имѣетъ только свою цѣну при умственномъ созерцаніи, которому служитъ она превосходнымъ зеркаломъ, отражающимъ идеальному взору сокрытыя чудеса Природы. Производительное дѣйствіе совершается умозрѣніемъ, въ совокупности съ рефлексіею: и первое даетъ внутреннее содержаніе, а вторая доставляетъ наружную форму производимаго, которое однако ни въ какомъ видѣ совершеннымъ образоваться не можетъ. Творческая сила, содѣлывающая всякое порожденіе духа, не показывается сама ни въ какихъ образованіяхъ. Всѣ внѣшнія формы не выражаютъ вполнѣ, изъявляемой ими, внутренней сущности, не подлежащей произвольному распоря-

женію человѣка, и въ явственныхъ ея дѣйствіяхъ остающейся сокрытою.

Философія, научающая насъ познавать возвышеннѣйшіе предмѣты, и показующая намъ сокровеннѣйшія тайны Природы и духа, имѣетъ благотворнѣйшее вліяніе на душевную нашу жизнь, занимая пустоту оной и возбуждая въ ней мысленную дѣятельность до высочайшей степени. Нѣкоторые Философы, словесными наставленіями и письменными изложеніями, дѣйствуютъ необыкновенно на слушателей и читателей своихъ, потрясая весь внутренній составъ ихъ духа, и производя въ нихъ такое чувствіе, по которому кажется имъ, какъ будто цѣлая струя безконечной жизни течетъ сквозь ихъ грудь. Тѣсные предѣлы, полагаемые гражданскими соотношеніями, скуднымъ знаніемъ, житейскими заботами всякаго рода и другими обстоятельствами, расторгаются предъ ними; и они, освободившись отъ своихъ узъ, выходятъ на прелестное зрѣлище Все-

ленной; гдѣ теряясь въ ея безконечности, вступаютъ сами въ безпредѣльный кругъ идеальнаго ихъ дѣйствія.

Философія отдаляетъ препоны жизни, и разрѣшая узы нашего духа, подаетъ ему возможность дѣйствовать свободно въ обширнѣйшей его сферѣ. Она насаждаетъ въ немъ изящнѣйшія сѣмена, и побуждаетъ душевныя способности къ воздѣланію великолѣпнѣйшихъ растѣній умственнаго вертограда, въ которомъ она искореняетъ плевелы и умерщвляетъ вредныхъ насѣкомыхъ, портящихъ плоды въ начальномъ ихъ развитіи. Философія наполняетъ душевную сферу человѣка важными идеями, не оставляетъ въ ней мѣста обыкновеннымъ, незначительнымъ помышленіямъ, направляетъ ея дѣятельность къ высшей цѣли, соотвѣтствующей глубокому значенію жизни, признаваемой обыкновенно ничтожною, и провождаемой въ суетныхъ и тщетныхъ упражненіяхъ! Она доставляетъ человѣку владычест-

во надъ самимъ собою и изъемлетъ его изъ подъ власти судьбы; на мѣсто неправильнаго произвола, водворяетъ въ его мысли и дѣянія необходимую правильность, постановленную вѣчнымъ закономъ ума, отвращаетъ его отъ порока и привлекаетъ къ добродѣтели, утверждаетъ въ Религіи, и посредствомъ оной, возводитъ къ Богу. Философія дѣлаетъ человѣка возвышеннымъ и вдохновеннымъ, даетъ ему силу и постоянство, характеръ и дѣятельность, успокоеніе и безстрашіе. Отъ нея происходятъ тѣ блаженныя минуты, въ которыя борьба противуположныхъ дѣйствій духа останавливается и начинается вѣчный міръ, въ которыя душа видитъ гармоническое устройство небесъ, слышитъ созвучіе звѣздъ, зритъ отверытые предъ нею памятники прошедшихъ вѣковъ, и предчувствуетъ будущія происшествія въ мірѣ!

Не всякое положеніе благопріятствуетъ такому строю духа. — Въ тихомъ только уедине-

нія, и при глубокомъ погруженіи въ самаго себя, имѣетъ онъ ясное воззрѣніе; но развлеченному въ шумномъ мірѣ, все показывается мутнымъ и непрозрачнымъ. Въ человѣческомъ обществѣ пріобрѣтаются только суетныя мысли и низкія чувствованія у тѣхъ, кои, предавшись обыкновенной, прозаической жизни, подлежатъ всѣмъ ея бѣдствіямъ. Напротивъ того, Природа возвышаетъ духъ и трогаетъ до глубины чувствительность разсматривающихъ оную въ тихомъ состояніи лѣсовъ, и возвышенномъ положеніи горъ, какъ безмолвныхъ формъ, представляющихъ идеальную сущность всеобщей жизни. Дѣйствіе таковаго созерцанія Природы усиливается еще знаніемъ Исторіи, показывающей происшествіе минувшихъ временъ. Посему для лучшаго провожденія общественной жизни, нужно по временамъ оставлять оную. Утомленный важными размышленіями, любитъ иногда посмотрѣть на мѣлочныя забавы людей, которые подобно дѣтямъ, то плачутъ, то смѣются, то унываютъ въ печали, то прыга-

ютъ отъ радости, безъ надлежащей къ тому причины. Но таковая сцена не трогаетъ умнаго зрителя, который, взглянувъ только мимоходомъ на оную, не вмѣшивается въ чуждое ему занятіе.

Уединенная жизнь не должна быть безъ всякаго содѣйствія къ пользѣ общества; и дабы лучше споспѣшествовать общественному благу, человѣкъ долженъ удалиться на нѣкоторое время отъ шумнаго міра, и пріуготовить себя къ оному въ тихомъ уединеніи; гдѣ бы онъ могъ болѣе внимать внутреннему гласу, отзывающему его отъ ничтожныхъ занятій, бесѣдовать невозбранно съ великими умами и пользоваться ихъ наставленіемъ. Не возмущаемый земными заботами, можетъ погружаться во внутренность своего духа, отыскивать сокрытое тамъ благо и изгонять водворившееся зло. Въ покоѣ и безстрашіи является ему вѣчное начало существованія, котораго созерцаніемъ одушевляясь, видитъ онъ внѣшнее

величіе міра и возвышается къ внутренней, невидимой его сущности, коея идеалъ впечатлѣваетъ въ себя такъ, что и при величайшемъ возмущеніи остается съ онымъ. Таковое уединеніе принадлежитъ къ истинному воспитанію; и молодой человѣкъ, образовавшійся внѣ суетныхъ заботъ, и не испорченный примѣрами обыкновенной жизни, долженъ имѣть превосходство нравственнаго характера. Воспитанный такимъ образомъ, можетъ вступить смѣло на поприще жизни и дѣйствовать тамъ, не опасаясь пучины, поглощающей многихъ, подверженныхъ ея стремленію. Желающій господствовать надъ жизнію и пребывать въ ней безвредно, не долженъ увлекаться оною. Ему надлежитъ содержать себя возвышеннымъ надъ всѣми направленіями жизни, и избѣгать всякой односторонности, помрачающей взоръ его для всѣхъ другихъ предмѣтовъ. Онъ можетъ участвовать во всѣхъ, окружающихъ его, дѣяніяхъ, но не долженъ теряться въ оныхъ. Здравый смыслъ требу-

етъ: не презирать обыкновеній, сходствующихъ съ умомъ, но не подвергаться совершенно ихъ владычеству.

Нравы и обычаи составляютъ затвердѣлый образъ жизни, въ которомъ люди живутъ такъ, какъ моллюски содержатся въ своихъ черепахъ. Они образуются почти сами собою, возрастаютъ въ органической постепенности, и всѣ житейскіе обороты подвергаютъ одновластному ихъ управленію. Мудрецъ обитаетъ въ ихъ области свободно, понимая сокрытый тамъ глубокой смыслъ: но обыкновенный человѣкъ слѣдуетъ имъ съ рабскою покорностью, и связывается оными такъ, какъ черепокожныя животныя заключаются въ своихъ домикахъ. Духъ человѣка, живущаго подъ властію нравовъ и обычаевъ, связанъ предразсудками, и не могши развиться до высокаго его предназначенія, остается въ низкомъ образованіи.

5. *Тщета и бѣдность обыкновенной жизни.*

Являющійся повсюду мѣлочный и уродливый образъ жизни простыхъ людей, причиняетъ уныніе смотрящему на оный! Но какую отраду находимъ мы въ обращеніи съ человѣкомъ великаго ума, котораго исполинскія мысли объемлютъ Вселенную, и въ коего головѣ концентрированъ цѣлый міръ! Каждое его слово происходитъ изъ неизмѣримой глубины духа, и показываетъ неизглаголимое содержаніе онаго.

Многіе люди, кромѣ суетныхъ и тщетныхъ принадлежностей физической и общественной жизни, ничего болѣе у себя не имѣютъ. У нѣкоторыхъ между худыми качествами обрѣтаются и хорошія свойства, которыя иногда вовсе исчезаютъ, а иногда опять показывают-

ся. Но весьма немногіе владѣютъ силою великихъ идей, возвышающихся, подобно огромнымъ скаламъ, надъ плоскостью простыхъ обыкновенныхъ понятій.

Жизнь, провождаемая наибольшимъ числомъ людей, есть опьяненіе, употребляемое ими для облегченія мучительной скуки. — Она подобна лихорадочному бреду больныхъ, или смертельнымъ припадкамъ умирающихъ. Взирающему на замѣшательство и суетность поступковъ людскихъ, кажется, что онъ видитъ безпрестанныя похороны, сопровождаемыя воплемъ, отчаяніемъ и страданіемъ. Путь жизни человѣческой означенъ потомъ, слезами, кровію, и усѣянъ прахомъ нашимъ!

Странная судьба людей! Одни издаютъ жалобные стоны и орошаютъ слѣды свои слезами; другіе роскошествуютъ безъ мѣры и заглушаютъ чувства ихъ, какъ только могутъ; а нѣкоторые, находясь подъ игомъ нужды,

носятъ, подобно рабочимъ животнымъ, возложенную на нихъ тяжесть, безъ дальнѣйшаго о томъ размышленія. — Вся сцена состоитъ въ происшествіяхъ печали, пустой радости и безчувствія!

Въ обыкновенной жизни одинъ другому преграждаетъ путь, одинъ другаго старается вытѣснить изъ мѣста, или запутать въ разставленныя ему сѣти. Неутолимая жажда къ корысти, заставляетъ одного наносить всякой вредъ другому, и употреблять всѣ неистовые способы для пріобрѣтенія собственныхъ выгодъ. При чрезвычайномъ усиліи къ освобожденію себя отъ всякаго принужденія, многіе угнѣтаютъ другихъ всею тяжестію своихъ предразсудковъ; и гдѣ только требуетъ ихъ польза, тамъ употребляютъ они униженнѣйшую покорность съ надменнѣйшею гордостью, и показываютъ пустой блескъ съ суетнымъ удовольствіемъ, послѣдуемымъ не малою горестію. Посему въ общественныхъ соотношеніяхъ то-

ликое непостоянство и зыблемость, безпокойство и робость, безчисленныя заботы, потребности, умножающіяся съ новыми увеселеніями, и отчаянная борьба для избавленія себя отъ бѣдности, сопровождаемой презрѣніемъ! Таковое состояніе общества противно благомыслящему человѣку, который, не смотря на обрѣтаемыя въ немъ удовольствія, желаетъ лучше жить уединенно, нежели испытывать превратную участь обыкновенной жизни.

Сія жизнь, не будучи утѣшаема Религіею, услаждаема Искуствами и Науками, и возвышаема Философіею, не имѣетъ въ себѣ ничего привлекательнаго и занимательнаго. По краткости ея во времени и малому объему въ пространствѣ, составляетъ она самое скудное и мѣлочное явленіе. Но дабы содѣлать оную значительнѣйшею, нужно сообщить ей все содержаніе временныхъ происшествій, показанныхъ въ Исторіи, и мѣстныхъ образованій, производимыхъ во всей Природѣ. Сообразу-

ясь идеѣ вѣчности и безпредѣльности, земная жизнь получаетъ качество небесной, представляющей неизмѣняемую сущность, а не одну преходящую форму оной. Кто живетъ только въ настоящемъ, и не видитъ происшествій всѣхъ временъ, того жизнь кратка во времени и стѣснена въ пространствѣ. Міръ долженъ показываться пустымъ тому, кто смотритъ на оный только глазами купца, эконома, спекуланта. Вожделѣніе великой и нѣжной души не можетъ быть удовлетворено предубѣжденіемъ высокой породы, внѣшней знатности и другихъ преимуществъ, считаемыхъ обыкновенно столь важными; но которыми довольствуется только гордый и малодушный человѣкъ, а истинно благородный требуетъ внутренняго, умственнаго удовлетворенія!

Люди занимаются только внѣшними видами, и всѣ подражаютъ комедіянтамъ. Каждый играетъ искуственную, пышную роль и старается представить оную, какъ можно лучше,

предъ публикою; дабы возбудить выгодное о себѣ мнѣніе. Но ежели посмотрѣть на таковаго за кулисами, то онъ показывается въ самомъ жалкомъ положеніи. Въ представленіи сего зрѣлища участвуютъ наиболѣе тѣ, кои презираютъ дѣйствующихъ съ ними, и ставятъ ихъ несравненно ниже себя! Вся жизнь ихъ состоитъ въ однѣхъ репрезентаціяхъ; и они обращаются въ Свѣтѣ такъ, какъ актеры на сценѣ: издали кажутся Королями, которымъ подвластно все, достающееся другимъ съ трудностію. Но нѣкоторые испытываютъ участь арлекина, который украшается нѣсколько минутъ царскою мантіею, и скинувъ оную, едва имѣетъ чемъ прикрыть наготу своего тѣла.

Мы такъ привязаны къ мѣлочнымъ нашимъ соотношеніямъ, что всѣ другія обстоятельства примѣняемъ къ онымъ. Смотря на міръ съ ограниченныхъ точекъ зрѣнія, мы не видимъ безпредѣльной его величины, и не по-

[redacted]

[redacted]

позднѣйшія наши сужденія, запутанныя знатными предразсудками, и разберемъ прежнія, не поврежденныя понятія; то едва можно вѣрить, чтобы оныя происходили въ одномъ и томъ-же человѣкѣ! Чѣмъ глубже погружаемся мы въ пучину міра, тѣмъ болѣе вкореняются въ насъ предразсудки; ясный взоръ нашъ помрачается, и мы поклоняемся идолу, извѣстному подъ именемъ тонъ.

Тонъ овладѣлъ нами совершенно: и какъ пустое судно издаетъ особливый звукъ, такъ утонченный тонъ показываетъ пустоту нашей жизни, которая скоро теряетъ чрезъ оный всю силу и достоинство душевнаго своего содержанія! Чѣмъ выше состояніе, тѣмъ болѣе притворно и натянуто обращеніе въ ономъ. Появившійся въ такомъ обществѣ съ старинным прямодушіемъ и простотою, возбуждаетъ сильное противудѣйствіе модныхъ людей. Стараясь безпрестанно угождать другимъ, мы сами стѣсняемся во внутреннемъ нашемъ по-

ложенія, которому даемъ малый размѣръ, сообразный, показываемому нами, внѣшнему виду. Суетныя и тщетныя мысли, наполняя духъ нашъ, помрачаютъ его зрѣніе и ограничиваютъ сужденіе; посему мы разсматриваемъ міръ и судимъ о жизни превратнымъ образомъ. Не имѣя истинно благородныхъ чувствованій, думаемъ произвести что-либо великое и важное для другихъ, внѣшнимъ напряженіемъ и возвышеннымъ тономъ низкихъ дѣйствій, сопровождаемыхъ мѣлочными страстями. Одинъ усматриваетъ недостатки въ другомъ, котораго старается превзойти и унизить передъ собою. Въ собраніе сходятся не для взаимнаго удовольствія, но чтобы только показать себя и вывѣдать другихъ, надъ которыми бы лучше посмѣяться можно. Посему здѣсь нѣтъ никакого великодушія, а только гордость, суета, зависть и порыцаніе!

Ъ. *Непріязненность обыкновенной жизни.*

Зависть и ненависть, господствующія въ сердцахъ человѣческихъ, изгнали оттуда всю любовь, свойственную человѣку. Злорѣчіе составляетъ величайшее удовольствіе людей; и съ крайнимъ тщаніемъ они ищутъ всякаго повода къ осужденію и поношенію другихъ. Безъ малѣйшей причины нападаютъ они даже на тѣхъ, коихъ вовсе не знаютъ, и утѣшаются, нанося имъ оскорбленіе. При первой встрѣчѣ съ незнакомымъ, возбуждается въ нихъ непріязненное къ нему чувствіе, и они, бросая на него коварные взоры, ищутъ въ немъ слабыхъ сторонъ, съ которыхъ бы лучше уязвить его можно. Главное содержаніе обыкновенныхъ разговоровъ состоитъ въ предосужденіи другихъ, безъ котораго бесѣда многихъ оставалась бы пустою, не имѣющею

никакихъ предмѣтовъ для ихъ занятія. Таковые собесѣдники разговариваютъ только на счетъ ближняго; и краснорѣчіе ихъ возвышается бо́льшею ѣдкостію словъ, поражающихъ сильнѣе уязвляемыя ими жертвы!

Фамильная жизнь большею частію погребена. Къ чему Натура привила нѣжнѣйшія чувства, изъ того люди вырастили раздоръ и несогласіе! Любостяжаніе, тщеславіе, гордость расторгнули внутренній союзъ пола; и бракъ содѣлался политическимъ только средствомъ, по которому любовь приносится въ жертву внѣшнему приличію, фантому мнимой чести и неистовому корыстолюбію. Но за то, какъ рѣдко встрѣчается домашнее счастіе! Мужъ и жена скованы вмѣстѣ, какъ два невольника, и огорчаютъ взаимно жизнь свою, въ которую бы они могли поселять небесное услажденіе. Поелику мужъ сильнѣе жены, то онъ считаетъ себя въ правѣ тиранствовать надъ нею; и слабая, несчастная жена, не

умѣющая ухищряться, должна проводить лѣта свои въ печали, сокрушающей сердце, и увядать подобно цвѣтку, лишенному солнечнаго свѣта! Домашнее тиранство есть ужаснѣйшее и несноснѣйшее; оно тяготѣетъ ежеминутно на сердцѣ, и препятствуетъ свободному дыханію. Но горе и мужу, который злоупотребленіемъ своей власти довелъ жену свою до разврата, или по несчастію имѣетъ такую, которая и сама впадаетъ въ развратъ! При каждомъ бракосочетаніи, приходитъ нѣкоторымъ непроизвольная мысль: что можетъ быть и новая чета умножитъ число несчастныхъ супруговъ! Молодые потомки представляютъ также мало утѣшительныхъ видовъ. Опасность жизни и слабость малолѣтняго возраста дѣтей причиняютъ родителямъ несмѣтныя заботы, вознаграждаемыя нѣсколько невинною утѣхою ихъ нравовъ. Но юноши, едва вышедшіе изъ школы, начинаютъ учить своихъ родителей, считая себя умнѣйшими; и вмѣсто воздаянія за многіе труды и скорби, дѣ-

дальнѣйшій ходъ. Правота давно уже изгнана на Земли, и никакого слѣда не осталось отъ оной. *Платонъ* сказалъ: молите Бога, чтобы онъ далъ вамъ силу переносить несправедливость людей! Въ семъ изрѣченіи содержится глубокій смыслъ; ибо для перенесенія оной несправедливости потребна сверхчеловѣческая сила. Сколь горестное чувствованіе происходитъ въ васъ, когда всѣ ваши слова толкуютъ въ противную сторону, всѣмъ вашимъ поступкамъ предполагаютъ низкую цѣль, и благороднѣйшія ваши намѣренія представляютъ въ гнусномъ видѣ! Ложь употребляетъ всѣ неистовыя средства, дабы погубить васъ во мнѣніи другихъ, и затмить доброе ваше имя черною клеветою. Таковыя козни устрояются противъ васъ съ большимъ искуствомъ; и самые дѣятели показываются не участвующими въ оныхъ!

Но въ тѣхъ обстоятельствахъ, гдѣ одни не преграждаютъ пути другимъ, общественная

жизнь дѣлается совершенно атомическою. Здѣсь никто не принимаетъ искренняго участія въ другомъ, живетъ по себѣ; и взаимныя соотношенія, управляемыя случаемъ, не будучи согрѣваемы любовію, остаются хлады, безъ внутренней связи, а сцѣплены только извнѣ эгоистическими страстями: корыстолюбіемъ, тщеславіемъ, гордостію. Въ наружномъ обращеніи одни показываютъ пріязнь другимъ, которая однако ни въ комъ не находится. Каждый старается возвысить себя надъ другими, и подчинить ихъ своей власти посредствомъ знатнаго рода, или богатства, или чина. Либерализмъ превозносятъ для эгоизма, питаемаго въ мнимыхъ защитникахъ правъ человѣка и равенства людей, которыхъ они готовы при всякомъ случаѣ попирать ногами! Таковые сходятся между собою для какого-либо выигрыша, получаемаго различнымъ образомъ. Но какъ сего безъ посторонней помощи сдѣлать не можно; то одни, имѣя надобность въ другихъ, оказываютъ другъ другу

внѣшнюю пріязнь, безъ соотвѣтственнаго ей внутренняго расположенія.

Въ мірѣ находятся только слабые признаки общаго, внѣшняго союза людей, и рѣдко встрѣчается непрерывный рядъ внутренняго ихъ сродства. Жизнь человѣческая раздроблена на малѣйшія частицы, и только въ нѣкоторыхъ моментахъ, и въ нѣкоторыхъ преимущественныхъ лицахъ, представлена величественная цѣлость оной. Любовь, какъ божественное вдохновеніе, содѣлалась чуждою для человѣка. Священный ея огонь пламенѣетъ только у нѣкоторыхъ; но свѣтъ онаго не собирается въ общую зажигательную точку. Каждый живетъ для себя, и при хладномъ равнодушіи къ другимъ, полагаетъ собственную пользу единственною цѣлью всѣхъ своихъ дѣяній. Благородное безкорыстіе, великодушное пожертвованіе для высшей цѣли, и непреклонная рѣшимость къ чему-либо, ни въ комъ почти не оказываются; и за всякое пред-

пріятіе требуютъ соотвѣтственнаго вознагражденія. Отъ сего толикое малодушіе, бездѣйствіе и нечувствительность къ высокимъ предмѣтамъ: такъ что почти невозможно одному совершить что-либо великое, требующее содѣйствія другихъ!

Таковая непріязненность людей представляетъ одни отломки и кучи развалинъ, рушившагося огромнаго зданія человѣческой жизни. Здѣсь ничто само по себѣ не срастается, и все раздробленное, должно собирать и соединять внѣшнею силою. Мѣстами показываются частныя образованія, но которыя не относятся къ одному центру цѣлой жизненной сферы общества, едва находимой и въ преданіяхъ. Центральное солнце человѣческой жизни есть любовь, соединяющая людей тайнымъ союзомъ, и противящаяся расторженію онаго. Какъ Природа образуется безчисленными видами, соединенными въ общемъ источникѣ ихъ происхожденія: такъ люди, при безко-

нечномъ ихъ раздѣленіи, должны соединяться въ центрѣ общей сферы человѣческой жизни; и человѣкъ, не относящійся къ оному центру, подобенъ бездушному трупу, съѣдаемому червями.

Е. *Неосновательность и зыбкость обыкновенной жизни.*

Сія жизнь подобна броженію, испаряющемуся на воздухъ, и ничего по себѣ не оставляющему. Пребывающіе въ ней не знаютъ: откуда она взялась? куда ихъ ведетъ? и для чего они существуютъ? По таковой неизвѣстности, живутъ они во всегдашнемъ безпокойствѣ и дѣйствуютъ безъ опредѣленной цѣли и основанія. Все ихъ стараніе состоитъ въ пріисканіи для себя новыхъ раздраженій; дабы притупить оными свои чувства, и не понимать ничтожнаго своего состоянія. Иногда нѣкоторые въ поступкахъ своихъ показываютъ разсудительность и стремленіе къ лучшему, по-

буждаясь къ тому непріятными случаями и стѣснительными обстоятельствами въ мірѣ, — которыми однако приводятся иногда до отчаянія. Но жизнь, не представляющая въ себѣ ничего постояннаго, возвышеннаго и утѣшительнаго, должна быть несносною для чувствительнаго и умнаго человѣка!

Сколько бы сначала ни нравилось положеніе таковой жизни, вскорѣ почувствуешь отвращеніе отъ оной. Міръ покажется вамъ болѣе и болѣе пустымъ и незанимательнымъ, радость пройдетъ за радостію, охладѣютъ ваши утѣхи, и все любимое вамъ опостынетъ. Утренняя заря вашей юности облачится печальнымъ флёромъ, который, простираясь на горизонтъ вашъ, закроетъ предъ вами все небо! Предавшись слѣпо буйному стремленію жизни, вскорѣ увидишь себя перенесеннымъ въ безплодную пустыню.

Изъ лабиринта противурѣчій, замѣшательствъ и недоразумѣній не можно выйти по-

средствомъ обыкновенныхъ понятій о вещахъ. Освободившійся отъ узъ міра, впадаетъ въ пустоту своего духа, гдѣ сокрушается надъ мертвыми видами не понимаемой имъ Природы. Но предавшійся однимъ чувственнымъ занятіямъ, ввергается въ пучину житейскаго моря, волнуемаго безпрестанною бурею. Тьма объявшей его, глубокой ночи освѣщается только сверканіемъ молніи, ужасный трескъ грома поражаетъ его; подъ нимъ открыта бездна, надъ нимъ желѣзная рука судьбы, вокругъ его разрушеніе, вопли несчастныхъ и стоны умирающихъ! Въ такомъ положеніи находятся обитающіе внѣ идеальнаго міра. Отъ идей только происходитъ сила жизни и неувядаемая юность оной!

Благо тому, кто изъ мрачной и бурной области страстей вышелъ въ свѣтлую и тихую страну возвышеннаго духа; гдѣ онъ можетъ видѣть явственно Вселенную, позабыть всю сусту и погрузиться въ міросозерцаніе

Какое чувство долженъ имѣть духъ, потрясенный въ глубочайшей своей внутренности, и приходящій въ успокоеніе, созерцая высокіе предмѣты!

Оставившій высоту идей, и нисшедшій въ низмену обыкновенной жизни, поражается тоскою, и костенѣетъ отъ смертнаго хлада. Но сія жизнь не дѣйствуетъ убійственно на человѣка, занимающагося въ ней божественными созерцаніями, безъ которыхъ она хуже самой смерти; и доставляемыя ею удовольствія столь отвратительны, что ни въ комъ благоразумномъ не могутъ возбудить желанія къ онымъ!

Философія не презираетъ маловажныхъ дѣлъ, и тѣмъ не оскорбляетъ занимающихся оными, но учитъ употреблять высшія понятія и въ самыхъ мѣлочныхъ упражненіяхъ. Не трудно сохранить идеалъ своихъ занятій въ учебной камерѣ, въ тихомъ уединеніи и въ отда-

ленія отъ всѣхъ помѣшательствъ: но великаго труда стоитъ удержать оный въ шумномъ мірѣ, посреди печали и заботъ, при безчисленныхъ и тяжкихъ препятствіяхъ, въ развлеченіяхъ разнаго рода, ослабляющихъ силу и дѣлающихъ всякое стараніе тщетнымъ. Идеалъ, сохраненный при таковыхъ обстоятельствахъ, должно имѣть въ ясномъ видѣ, и воздѣлывать оный съ неутомимою ревностію и неослабнымъ усердіемъ — къ чему Философія подаетъ наставленіе какъ цѣлымъ народамъ, такъ и частнымъ людямъ. Она доставляетъ власть человѣку надъ собственною его жизнію, которая, будучи изъята отъ постороннихъ вліяній, развивается въ немъ по свободной необходимости; и человѣкъ, руководимый Философіею, имѣетъ всегда равномѣрную температуру своего духа, поддерживаемую огнемъ божественнаго его начала.

Обыкновенная, прозаическая жизнь не состоитъ въ простыхъ, обыкновенныхъ занятi-

дахъ, но въ томъ, что провождающій оную, ограничивается совершенно сими занятіями и не поступаетъ далѣе ни на одинъ шагъ. Бѣдное положеніе должно быть того, что, заключившись въ своемъ домѣ, со всѣми своими чувствіями и помышленіями, смотритъ только за домоводствомъ, хозяйствомъ, ремесломъ или промысломъ, и высочайшимъ счастіемъ полагаетъ вещественную прибыль, служащую только къ удобнѣйшему или обильнѣйшему продовольствію въ его содержаніи. Таковая жизнь отвратительна для просвѣщеннаго человѣка, который и маловажнымъ дѣламъ умѣетъ дать большой вѣсъ, присоединяя къ онымъ высшее понятіе. Обыкновенныя упражненія, содержащія въ себѣ глубокій смыслъ, доставляютъ удовольствіе занимающимся оными, потому что не изгоняютъ ихъ изъ душевной сферы идей, и не заключаютъ въ одной области тѣлесныхъ чувствъ. Стремленіемъ къ благой цѣли утѣшается наша совѣсть; и въ Исторіи человѣчества тотъ занимаетъ знатнѣй-

шее мѣсто, кто болѣе поборствуетъ великой истинѣ. На какой бы низкой степени въ гражданской жизни таковый ни находился, превосходитъ онъ свое состояніе и участвуетъ въ высочайшемъ дѣлѣ общества. — И въ низкой хижинѣ можно имѣть возвышеннѣйшія чувства!

Философія можетъ поставить человѣка выше всѣхъ обстоятельствъ жизни, и возвести его на такую точку зрѣнія, откуда ему видно ничтожество тѣхъ предмѣтовъ, за которыми люди гоняются съ толикимъ рвеніемъ, и величіе того, что совершенно сокрыто отъ ихъ взора. На таковой высотѣ человѣкъ сбрасываетъ съ себя оковы закоренѣлыхъ и общихъ предразсудковъ, обозрѣваетъ ясно міръ, въ которомъ онъ не погруженъ, и предъ которымъ не сгибается рабски, но и не смотритъ на него съ гордостію. Тщета жизни для него невлѣнительна; онъ не упивается ея забавами, и не ослѣпляется блескомъ наружной

пышности, но зная качество оной, цѣнитъ ее по достоинству.

Философія изгоняетъ непріязненность, свойственную простымъ людямъ. Она, показывая во всей Натурѣ божественный порядокъ вещей, открываетъ явственнѣшее образованіе Бога въ человѣкѣ, котораго главнѣйшая принадлежность есть любовь. Отвращаясь отъ пороковъ, господствующихъ между людьми, Философія отыскиваетъ сокрытыя въ нихъ добродѣтели; дабы утвердить на оныхъ союзъ любви. Глубокомысленный взоръ и въ самихъ порокахъ усматриваетъ хорошую сторону; ибо пороки суть превратныя добродѣтели, по силѣ которыхъ оные могутъ быть исправлены.

F. *Страданіе въ жизни.*

Жизнь, при нѣкоторыхъ ея увеселеніяхъ, заключаетъ въ себѣ столько бѣдствій, что страждущіе отъ оныхъ, нерѣдко желаютъ смерти.

Человѣкъ живетъ между страхомъ и надеждою, и каждая минута его жизни протекаетъ въ радости и печали. Немногіе проводятъ дни свои весело, спокойно и беззаботливо; но множайшіе угнѣтаются скорбію, наносимою преслѣдующими ихъ заботами, и тревожатся бурнымъ волненіемъ, преплываемаго, ими житейскаго моря. Носимые волнами жизни, часто опрокидываются на легкихъ своихъ ладьяхъ; и страданіе опрокинутаго означается печальнымъ флёромъ, мрачностію лица и обыльными слезами, льющимися изъ глазъ страждущаго. Таковое крушеніе составляютъ: потеря необходимаго имущества, или единственной подпоры въ жизни, гоненіе и уязвленіе отъ враговъ, и многія горестныя обстоятельства, приводящія человѣка въ отчаяніе.

Сама Природа наноситъ человѣку жестокія обиды! Снабдивши его знатными дарами при произведеніи въ Свѣтъ, не обращаетъ на него вниманія, какъ скоро вышелъ онъ изъ ея

нѣдръ. Она не трогается его слезами, не слышитъ его вздоховъ и не отвѣчаетъ на его жалобы. Природа осудила человѣка на всегдашнюю борьбу, чрезъ которую онъ долженъ доставать пищу свою и защищать себя отъ всѣхъ, враждебныхъ ему, стихій. Кромѣ того, она наслала къ нему несчетное множество болѣзней, сопровождающихъ его отъ колыбели до гроба, и удручающихъ жестокими мученіями! Слѣдуя только своей цѣли, она не заботится ни о какихъ другихъ; для нея нѣтъ ничего драгоцѣннаго, и ничемъ смягчить ее не можно. Наполнивши всю жизнь человѣка горестію, роетъ она сама для него могилу и пожираетъ собственное свое чадо! Человѣческая жизнь есть цѣпь однихъ трагическихъ приключеній; и вся Исторія человѣка состоитъ въ непрерывной трагедіи. Великіе люди оканчивали жизнь свою наиболѣе трагическимъ образомъ; и судьба всегда требуетъ превосходнѣйшихъ жертвъ!

Отъ таковыхъ мученій человѣкъ можетъ только найти спасеніе въ геніальной Философіи. Люди жалуются на безконечныя страданія въ жизни; но они сами предаютъ себя всѣмъ страданіямъ, и ищутъ своего утѣшенія тамъ, гдѣ находится одна печаль! Оставаясь въ тѣсномъ кругѣ душевнаго ихъ образованія, пребудутъ они навсегда жертвою всѣхъ бѣдствій, въ которыхъ не пособятъ имъ, такъ называемыя, житейскія Философіи, и всѣ практическія наставленія не исцѣлятъ язвъ ихъ духа. Они должны распространить кругъ своихъ понятій, дабы видѣть великія происшествія умственной жизни; гдѣ вмѣсто тщетныхъ воплей и жалобъ, могутъ они и самое несчастіе обратить въ ихъ пользу.

Многіе стараются наипаче отвратить отъ себя всѣ неудобства жизни; и избавиться отъ всѣхъ ея противностей. Таковые употребляютъ всѣ мѣры, дабы не попасть въ какую-либо бѣду, и хотятъ оставаться всегда въ бла-

гопріятныхъ обстоятельствахъ; но посему они суть малодушны, недовольны и несчастливы. Человѣкъ не долженъ страшиться всякой житейской бури, и съ робостью избѣгать оной; но ему надлежитъ противустоять смѣло всѣмъ ея порывамъ. Счастіе не состоитъ въ сибаритской роскошѣ; и для снисканія онаго, нужно претерпѣвать многія горести, которыя укрѣпляютъ человѣка противъ всѣхъ несчастій. Предъ судьбою не должно ползать и умолять ея благосклонность, но съ нею надлежитъ сражаться; ибо геройская смерть славнѣе трусливой жизни!

Кто въ жизни ищетъ только комедіи, тотъ самъ дѣлается комедіантомъ, забавляющимъ себя и другихъ; но кто хочетъ произвести что-либо важное, тотъ долженъ жить трагическимъ образомъ, представлять вѣрно, образуемую въ немъ, вѣчную идею жизни, и жертвовать для оной нетокмо всѣми выгодами, но и самимъ собою. Таковый находится во

всегдашней борьбѣ, и нерѣдко здѣсь погибаетъ, хотя при томъ побѣда его неотъемлема; ибо тріумфъ великихъ душъ состоитъ въ геройской смерти, послѣдующей отъ непремѣняемой рѣшимости. Человѣкъ долженъ уничтожать въ себѣ всякое своенравіе, и защищать божественную въ немъ идею до смерти. Великіе люди находятъ удовольствіе свое въ трагическихъ дѣяніяхъ; и великодушные поступки несовмѣстны съ изнѣженными чувствами.

Малодушіе, страхъ и уныніе происходятъ отъ внутренней ограниченности духа, и отъ внѣшняго стѣсненія житейскихъ обстоятельствъ. Единственное попеченіе о самомъ себѣ не доставляетъ человѣку особливыхъ выгодъ, и никакое внѣшнее обстоятельство не можетъ подать ему продолжительнаго пособія. Но искать успокоенія въ развлеченіи и упоеніи чувствъ, свойственно только людямъ слабоумнымъ.

Желающіе владѣть своими страданіями, должны возвратиться въ общую жизнь міра, откуда истекаетъ всякое утѣшеніе. Жизнь всего человѣчества представляется въ Исторіи, а вѣчная и безпредѣльная идея оной образуется въ Природѣ, какъ Земною Планетою, такъ и всѣми небесными тѣлами. Погрузившіеся въ міросозерцаніе, утоляютъ страданія свои тѣмъ, что оставивши темную и тѣсную юдоль Земли, водворяются въ селеніе небесъ и живутъ въ универсальномъ мірѣ, гдѣ жизненное ихъ дѣйствіе сильнѣе и свободнѣе. Остававшіеся великими и въ несчастіи, получали крѣпость свою отъ возвышенности ихъ надъ смертными обстоятельствами, и отъ освѣщающаго ихъ сіянія вѣчной жизни. Пребывающіе въ кругѣ земныхъ чувствованій, должны претерпѣвать всѣ сокрушенія, наносимыя имъ свирѣпствующею тамъ бурею. Никто не внемлетъ ихъ жалобамъ и стонамъ, въ которыхъ проводятъ они жизнь свою до самой ея кончины.

Философія пособляетъ страждущему человѣку тѣмъ, что соединяетъ его съ универсальнымъ міромъ, при полномъ развитіи его сосвѣдѣнія; когда другіе, не вспомоществуемые Философіею, едва понимаютъ поверхностное отношеніе ихъ къ Универсу, который соединенныхъ съ онымъ, дѣлаетъ участниками его величія и безпредѣльности.

Мучительныя приключенія въ жизни сей претерпѣваютъ только, предавшіеся суетнымъ и преходящимъ обстоятельствамъ оной. Но кто имѣетъ истинное понятіе о жизни и видитъ ея вѣчность, тотъ и въ самихъ мученіяхъ чувствуетъ неизъяснимое удовольствіе. Какъ свѣтъ, преломляемый въ дождевыхъ капляхъ, издаетъ красивые цвѣты; такъ созерцаніе божественныхъ дѣлъ восхитительнѣе для того, кто смотритъ на оныя глазомъ, орошеннымъ слезами. Чѣмъ болѣе сердце сокрушается, тѣмъ болѣе утверждается оно въ своей великости; и возвышеннѣйшее чувство

происходитъ отъ постояннаго терпѣнія и совершеннаго пожертвованія смертными принадлежностями безсмертію. Звукъ печальной трубы утѣшителенъ для души, видящей умершими прошедшія свои радости, и какъ смерть похищаетъ всѣ земныя сокровища, за которыми люди гоняются съ толикою жадностію! Смотря на ничтожество смертнаго міра, мысль отвлекается болѣе отъ его суеты и представляетъ себѣ тѣни великихъ людей, стяжавшихъ славу свою страданіями. При семъ размышляющему человѣку открывается болѣе занавѣса вѣчныхъ таинствъ Природы; гдѣ вещи показываются ему въ настоящемъ ихъ видѣ, печальные часы жизни протекаютъ предъ нимъ скоро, и послѣдняя минута оной его не устрашаетъ.

Взглядъ на трагическую сцену Земнаго Міра, и дѣйствительное участіе въ оной, безъ совершеннаго предательства ея занятіямъ, наводятъ унылую мысль, свойственную глубо-

кой меланхоліи, но которая возвышаетъ чрезвычайно внутреннія чувства, отгадывая вѣчную сущность скоропреходящей жизни. Многіе познали суету жизни сей, и возопили на оную въ горькихъ жалобахъ; но весьма немногіе увидѣли въ ней то величіе, на которомъ основана и самая суета. Не трудно имѣть свѣдѣніе о томъ, что все живущее подвержено смерти, но гораздо труднѣе понять настоящее значеніе смерти и видѣть въ ней безконечную жизнь. Всѣ испытали горе страданій, но не всѣ могли открыть въ оныхъ источникъ небесной радости!

Философія изъясняетъ все: Науки и Искуства, міръ и жизнь, радость и печаль. Мы должны сознаться чистосердечно, что какъ публичная, такъ и приватная жизнь наша, во всякомъ отношеніи, сама собою удовлетворена быть не можетъ, и требуетъ пособія высшихъ понятій, излагаемыхъ въ Философіи.

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Читай.
18	12	таковой жизни	таковую жизнь
25	1	оборотъ	новый оборотъ
44	13	глубукія	глубокія
75	20	мирской	міреской
95	19	мѣлочъ	мѣлочи
100	16	на частные члены	частныхъ членовъ
115	17	воззрѣнія	созерцанія
150	1	въ рѣчъ	въ рѣчи
158	15	приближиться	приблизиться
169	17	постовнымъ	постояннымъ
196	5	нотъ	нотъ
203	21	въ міросозерцаніе	въ міросозерцаніе!
214	1	страданіями	страданіями

GENERAL BOOKBINDING CO.
80 53 A
005 I 6332

ПОГРѢШНОСТИ.

Стран.	Стр.	Напечатано.	Читай.
18	12	таковой жизни	таковую жизнь
25	1	оборотъ	новый оборотъ
44	13	глубукія	глубокія
73	20	мирской	міреской
95	19	мѣлочъ	мѣлочи
100	16	на частные члены	частныхъ членовъ
115	17	воззрѣнія	созерцанія
150	1	въ рѣчъ	въ рѣчи
158	15	приближиться	приблизиться
169	17	постовнымъ	постоянцымъ
196	5	потъ	потъ
203	21	въ міросозерцаніе	въ міросозерцаніе!
214	1	страданіями	страданіями

GENERAL BOOKBINDING CO.
80 53 A
3755T 005 1 6332
OL MARK

B 4691 .G63 .P518 C.1
Filosofia, otnoslashchaiasia
Stanford University Libraries
3 6105 035 403 398

B4691
G63
P518

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE

DEC 04 2000
DEC 21 2000 -1u